

А. ГАРФ и П. КУЧИЯК

АЛТАЙСКИЕ СКАЗКИ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1939

А. ГАРФ и П. КУЧИЯК

АЛТАЙСКИЕ СКАЗКИ

Рисунки

В. КОНСТАНТИНОВА

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1939 ЛЕНИНГРАД

ПРЕДСЛОВИЕ

В 1937 году мы купили двух лошадей, заседлали их, взяли с собой винтовку, нож, сухари, сахар и выехали верхом из города Ойрот-Тура в долины и горы Алтая.

Мы слушали голоса птиц. Смотрели, притаясь, как маленький сыгырган — сеноставка режет зубами траву и ставит ее в большие стога. Ночью мы находили дорогу по звездам, днем по солнцу.

Мы видели снежную вершину горы Белухи и пили черную воду Золотого озера.

В то лето к нашему костру часто приходили охотники, и длинными ночами они пели удивительные сказки.

Нам довелось послушать знаменитого на Алтае старика Улагашева, и сказителя Сабашкина, и слепую девушку Какпоеву, и молодого колхозника Кыргызакова.

А теперь эти сказки мы хотим рассказать вам, чтобы и вы вместе с нами порадовались.

Анна Гарф, Павел Кучияк

Сартак-пай

На Алтае, в устье реки Ини, жил Сартак-пай. Коса у него до земли. Брови — точно густой кустарник. Мускулы узловаты, как нарост на березе, — хоть чашки из них режь.

Еще ни одна птица не пролетала мимо головы Сартак-пая: он стрелял без промаха.

Копытных зверей, бегущих вдаль, всегда метко бил Сартак-пай. В когтистых зверей он целился ловко.

Не пустовали его арчемаки¹. К седлу всегда была приторочена жирная дичь. Сын Адучи-Мерген, еще издали услышав топот иноходца, выбегал навстречу отцу, чтобы расседлать коня. Сноха Оймок готовила старику восемнадцать блюд из дичи, десять напитков из молока.

Но не был счастлив, не был весел прославленный богатырь Сартак-пай. Он день и ночь слышал плач зажатых камнями алтайских рек. Бросаясь с камня на камень, они рвались в клочья. Дробились в ручьи, натываясь на горы.

¹ Арчемаки — кожаные мешки, перекинутые через седло.

Надоело Сартак-паю видеть слезы алтайских рек, надоело слушать их немолчный стон. И задумал он дать дорогу алтайским водам в Ледовитый океан. Сартак-пай позвал своего сына:

— Ты, дитя, иди на юг, а я на восток пойду.

Адучи-сын пошел к горе Белухе, поднялся туда, где лежит вечный снег, стал искать пути для реки Катунь.

Сам богатырь Сартак-пай отправился на восток, к жирному озеру Юлу-Кöль. Указательным пальцем правой руки Сартак-пай тронул берег Юлу-Кöля — и следом за его пальцем потекла река Чулушман. В эту реку с веселой песней устремились все попутные ручейки и речки, все звонкие ключи и подземные воды.

Но сквозь радостный звон Сартак-пай услышал плач в горах Кош-Агача. Он вытянул левую руку и указательным пальцем левой руки провел по горам борозду для реки Башкауc. И когда засмеялись воды, убегая с Кош-Агача, засмеялся вместе с ними старик Сартак-пай.

— Оказывается, левой рукой я тоже работать умею. Однако не годится такое дело левой рукой творить.

И Сартак-пай повернул реку Башкауc к холмам Кокбаша и тут влил ее в Чулушман и повел все воды одной правой рукой вниз, к склонам Артыбаша. Тут Сартак-пай остановился.

— Где же сын мой Адучи? Почему не идет мне навстречу? Слетай к нему, черный дятел, посмотри, как работает Адучи-Мерген.

Черный дятел полетел к горе Белухе, от Белухи река Катунь бежала на запад. Дятел устремился следом за рекой. У Усть-Кокса догнал он силача Адучи. Тот вел Катунь все дальше к западу.

— Что ты делаешь, Адучи-Мерген? — крикнул дятел. — Отец твой уж полдня ждет тебя в Артыбаше.

Сын сейчас же повернул Катунь на северо-восток.

Дятел поспешил к Сартак-паю.

— Прославленный богатырь, ваш сын ошибся: реку к западу начал вести, теперь повернул ее на восток. Через три дня он будет здесь.

— Славный дятел, — сказал Сартак-пай, — ты мою

просьбу уважил. За это я научу тебя, как всегда сытым быть. Ты не ищи червей в земле, не лазай за мошками по ветвям деревьев, а уцепись когтями за ствол, стукни клювом по коре и крикни: «Киук-киук! Караты-хана сын свадьбу справляет, киук! Наденьте желтую шелковую шубу, черную бобровую шапку. Скорей, скорей! Караты-хана сын вас на свадьбу зовет!» И все черви, букашки, мошки тотчас выбегут из-под коры на свет.

Вот с тех пор и доныне дятел кормится так, как научил его старик Сартак-пай.

Дождаясь своего сына, Сартак-пай три дня держал указательный палец в долине Артыбаша. За это время к нему под палец натекло Телецкое озеро. Наконец-то сын привел сюда Катунь! Отец повел из Телецкого озера к Оби реку Бий, а сын Адучи быстро бежал, ведя за собой Катунь. Ни на шаг не отстал он от своего могучего отца. Вместе в один миг влились обе реки, Бий и Катунь, в широкую Обь. И эта река понесла воды Алтая в далекий Ледовитый океан.

Адучи-Мерген стоял гордый и счастливый.

— Сынок, — сказал Сартак-пай, — ты быстро привел Катунь, но я хочу посмотреть, хорошо ли, удобно ли для людей ты вел ее.

И старик пошел от Оби вверх по Катунь. Адучи-Мерген шагал сзади, и колени его гнулись от страха. Вот отец перешагнул через реку Чемал и подошел к горе Согонду-Туу. Лицо его потемнело. Брови совсем закрыли глаза.

— Ой, стыд, позор, Адучи-Мерген-сынок! Зачем ты заставил Катунь сделать здесь поворот? Люди тебе за это спасибо не скажут. Плохо сделал, сынок!

— Отец, — отвечает Адучи, — я не мог расколоть Согонду-Туу. Даже борозду провести по ее хребтам нехватило сил.

Тут старик Сартак-пай снял с плеча свой железный лук, натянул тетиву и пустил литую из меди трехгранную стрелу.

Согонду-Туу надвое раскололась. Один кусок упал ниже реки Чемала, на нем тут же вырос сосновый бор

Бешпек. Другая половина Согонду-Туу до сих пор стоит над Катунью. И до сих пор хвалят люди старика Сартак-пая за то, что провел он дорогу прямую, как след стрелы.

Дальше идут отец и сын вверх по Катуню. Видит Сартак-пай: река рушит и рвет берега. Свирепо и быстро бегут ее воды.

— Как же будут люди ездить с одного берега на другой, сынок?

У самого устья Чобы богатырь Сартак-пай сел на камень и крепко задумался.

— Здесь, сын мой, — сказал он, — как раз середина реки. Надо будет выстроить тут большой мост.

Ничего не ответил молодой Адучи-Мерген. Он очень устал и стоя качался из стороны в сторону, как высокая трава.

— Пойди отдохони, милый, — позволил Сартак-пай. — Только не смей спать, и жена твоя Оймок из уважения к моей работе пусть не смыкает век.

— Неужели, отец, вы всю ночь не уснете?

— Когда творишь великое дело, сон не посмеет притти, — ответил Сартак-пай.

Он стал собирать груды камней в подол своей шубы. Весь день без отдыха работал Сартак-пай. И, когда стемнело, он тоже не захотел отдохнуть.

Катунь бежала, как бешеная. Ветер гнул деревья. В небе дымились черные тучи. Они грозно плыли навстречу друг другу. И маленькая туча, налетев на большую, высекла яркую молнию. Сартак-пай поднял руку, поймал молнию и вставил ее в расщепленный ствол пихты. При свете пойманной молнии Сартак-пай стал строить мост. Он вонзал один камень в другой, и камни покорно лепились один к другому. До того берега осталось проложить не больше пятнадцати кулашей¹. И тут мост рухнул.

Сартак-пай рывкнул, как медведь, выбросил камни из подола шубы, и они, гремя, просыпались от устья Чобы до устья Эдигана.

От страшного грохота проснулся сын Адучи, открыла

¹ Кулаш — мера длины: $2\frac{1}{4}$ метра.

глаза сноха Оймок. Испугавшись гнева Сартак-пая, они обернулись серыми гусями и улетели вверх по реке Чуй. Сартак-пай бросил им вслед стопудовый камень. Этот камень упал на Курайской степи, и до сих пор он лежит там.

Сын Адучи и сноха Оймок остались гусями навечно.

Одинокий и печальный, сел Сартак-пай на своего коня и вернулся к устью Ини. Его родной аил давно рассыпался. Сартак-пай расседлал коня, бросил на большой камень стопудовый кичим¹ и, чтобы он скорей высох, повернул камень к солнцу, а сам сел рядом и умер.

Тут кончается песня про Сартак-пая — строителя, про Сартак-пая — хозяина молний, про Сартак-пая — старика.

¹ К и ч и м — потник, войлок, который кладут на спину лошади под седло.

Страшный гость

Один раз ночью барсук охотился. Посветлел край неба. До солнца к своей норе спешит барсук. Людям не показываясь, прячась от собак, держится, где трава глубже, где земля темнее.

Подошел барсук к своей норе.

«Бррк, бррк...» вдруг услышал он непонятный шум.

«Что такое?»

Сон из барсука выскочил. Шерсть к голове поднялась. А сердце чуть ребра не сломило стуком.

«Я такого шума никогда не слыхивал — «бррк, бррк»... Скорей пойду, таких, как я, когтистых зверей позову, зайсану-медведю¹ скажу. Я один умирать несогласен».

Пошел барсук всех на Алтае живущих когтистых зверей звать:

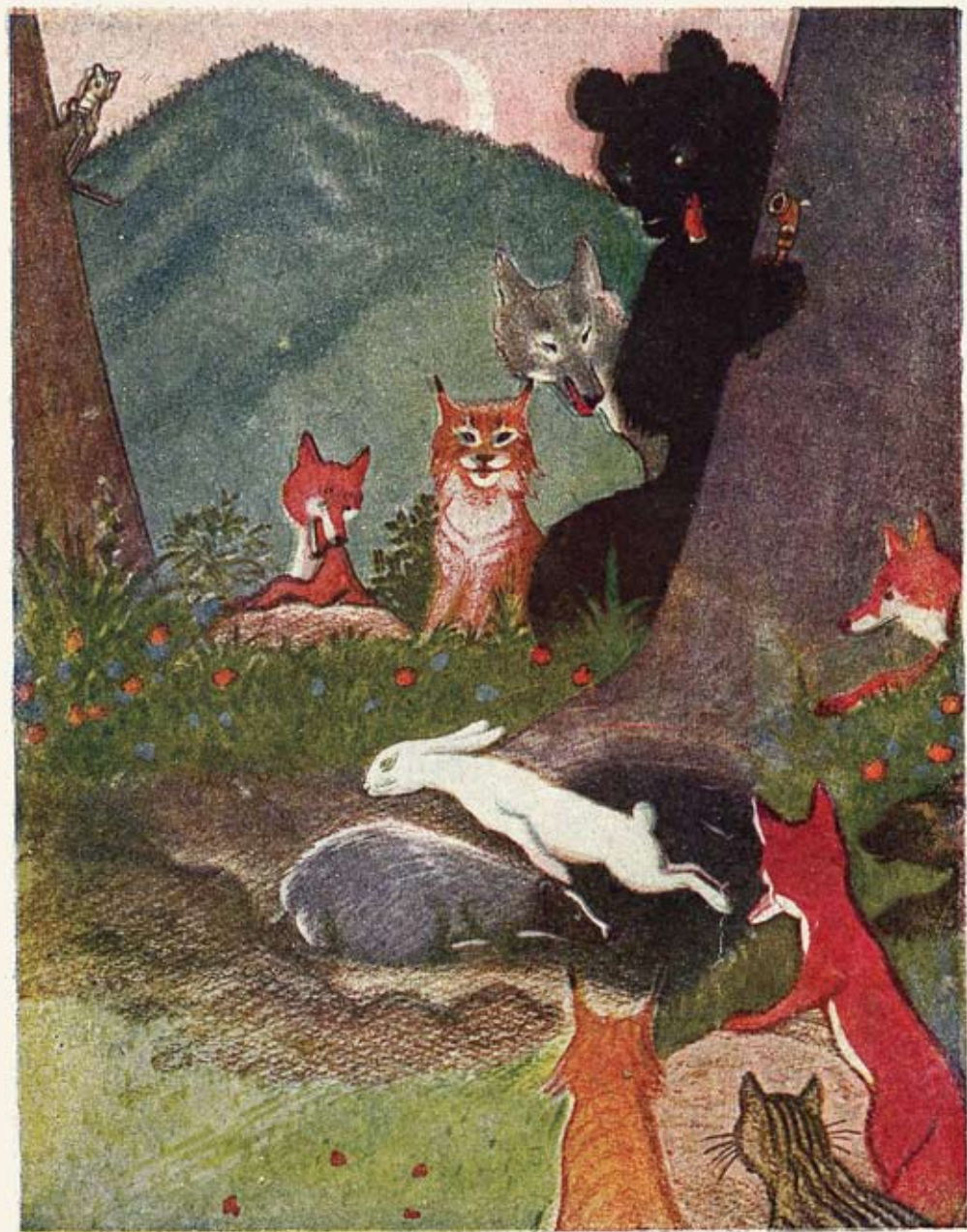
— Ой, у меня в норе страшный гость сидит! Кто осмелится со мной пойти?

Собрались звери. Ушами к земле приникли. В самом деле — от шума земля дрожит.

«Брррк, брррк...»

У всех зверей шерсть вверх поднялась.

¹ Зайсан — начальник.

— Ну, барсук, — сказал медведь, — это твой дом, ты первый туда и лезь.

Барсук оглянулся; большие когтистые звери ему приказывают:

— Иди, иди! Чего стал?

А сами от страха хвосты поджали.

Побоялся барсук главным ходом к себе домой войти. Стал сзади подкапываться. Тяжело скрести каменную землю! Когти стерлись. Обидно родную нору ломать. Наконец проник барсук в свою высокую спальню. К мягкому моху пробрался. Видит — белеет там что-то. «Бррк, бррк...»

Это, сложив передние лапы поперек груди, громко храпит белый заяц.

Звери со смеху на ногах не устояли. Покатались по земле.

— Заяц! Вот так заяц! Барсук зайца испугался!

— Стыд свой куда теперь спрячешь?

«В самом деле, — думает барсук, — зачем я стал на весь Алтай кричать?»

Рассердился да как пихнет зайца:

— Пошел вон! Кто тебе позволил здесь храпеть?

Проснулся заяц: кругом волки, лисы, рысь, россомахи, дикая кошка, сам зайсан-медведь здесь. У зайца глаза круглыми стали. Сам дрожит, словно тальник над бурной рекой. Вымолвить слова не может.

«Ну, будь что будет!»

Приник бедняга к земле — и прыг барсуку в лоб! А солба, как с холма, опять скок! — и в кусты. От белого заячьего живота побелел лоб у барсука. От задних заячьих лап прошел белый след по щекам барсука.

Смех зверей еще звонче стал.

«Чего они радуются?» не может барсук понять.

— Ой, барсук, лоб и щеки пощупай! Какой ты красивый стал!

Барсук погладил морду — белый пушистый ворс пристал к когтям. Увидав это, барсук пошел жаловаться медведю.

— Кланяюсь вам до земли, дедушка медведь-зайсан!

Сам дома не был, гостей не звал. Храп услышав, испугался. Скольких зверей я из-за этого храпа обеспокоил! Сам свой дом из-за него сломал. Теперь видите: голова и челюсти побелели. А виноватый без оглядки убежал. Это дело рассудите.

Взглянул медведь на барсука. Отошел подальше — еще раз посмотрел да как рывкнет:

— Ты еще жалуешься? Твоя рожа раньше, как земля, черная была, а теперь твоей белизне даже люди позавидуют. Обидно, что не я на том месте стоял, что не мое лицо заяц выбелил. Вот это жаль! Вот это в самом деле очень жаль!

И, горько вздыхая, побрел медведь в свой теплый, сухой аил.

А барсук так и остался жить с белой полосой на лбу и на щеках. Говорят, что он привык к этим отметинам и даже очень часто хвастает:

— Вот как заяц для меня постарался! Мы теперь с ним на веки вечные друзьями стали.

Сто умов

Встретились журавль с лисой. Опустила лиса голову:

— Бедный журавль, у тебя, оказывается, всего две ноги!

Глянул журавль вниз, а у лисы-то — раз, два, три, четыре лапы! От удивления журавль широко разинул свой клюв.

— Ой! — крикнула лиса. — Ой, бедняга-журавль, у тебя ни одного-то зуба нет! А у меня тридцать шесть зубов, сто умов, четыре ноги, два уха и замечательный хвост!

Совсем обиделся журавль. С горя еще длиннее вытянул свою длинную шею и увидел вдали человека.

— Ай, почтенная лиса, охотник идет!

Лиса поджала хвост — и юрк в барсучью нору. Журавль — за ней.

Охотник это заметил, подошел к норе и стал подкапываться.

— Ох, лиса, великая лиса, — заплакал журавль, — охотник сюда лезет! У вас четыре ноги, тридцать шесть зубов, сто умов, придумайте, как нам спастись!

— Сам догадайся. У меня только пятьдесят умов осталось.

Охотник все ближе, ближе...

— О-о-о, лиса, верная моя лиса, у вас четыре ноги, пятьдесят умов, как нам спастись?

— Сам придумай. Мои умы во все стороны бегут.

Охотник прорыл ход, ухватил журавля за длинную ногу и вытянул его из норы.

Крылья у журавля распустились, повисли, глаза — как стеклянные, даже сердце не бьется.

«Задохся, верно, в норе», подумал охотник и бросил журавля в сторону.

Еще немного покопал и видит: пушистый хвост торчком стоит, пушистый хвост дрожмя дрожит.

Ухватился охотник за этот хвост, вытащил лису, убил ее, снял шкуру и сунул в свой кожаный арчемак.

«Домой приеду — из лапок сошью шапку. Хвост привяжу на черенок плети, а из спинки выйдет знатный воротник. Пожалуй, и журавля тоже возьму. Будет собакам чем полакомиться».

Обернулся охотник, а журавля-то и нет. Высоко в небе летит он, даже стрелой не достанешь.

Так погибла лиса, у которой было два уха, четыре ноги, тридцать шесть зубов, сто умов.

А журавль одним умишком пораскинул, да и то смекнул, как спастись.

Брат и сестра

Давным-давно на Алтае жили брат и сестра. Брата звали Барабош-Ару, а сестру — Боролдой-Мерген. Они жили вдвоем в безлюдном лесу. Вот брат собрался на охоту и говорит сестре:

— Ты без меня не жарь печень марала¹, собольим одеялом не покрывайся, на лесистую гору не ходи.

Прошло семь дней, а брата все нет. Еще семь дней прошло, а брата нет и нет. Скучно стало Боролдой-Мерген одной в безлюдном лесу, вот она и подумала: «А что, если я изжарю маралью печень?»

Нанизала Боролдой-Мерген куски печени на палку, воткнула палку в землю, поближе к костру. Сама на соболье одеяло села. Сама не помнит, как уснула. Далеко ли, близко была во сне — неизвестно. Но вот проснулась и видит: из печени пузырится черная пена. Буйная пена костер за-

¹ Марал — благородный олень.

лила. Испугалась Боролдой-Мерген: «Где ж теперь огня взять? Ведь огниво-то брат с собой увез».

Побежала она на лесистую гору: людей поискать, у них огня попросить. С вершины высокой горы увидела Боролдой-Мерген в синем небе тонкий, как конский волос, белый дым. Пошла туда. Стоит перед ней маленький, крытый камышом аил. Боролдой-Мерген толкнула дверь и чуть не умерла от страха. В аиле на женской половине лежала старуха: она одно ухо под себя подстелила, а другим ухом, как одеялом, покрылась. Боролдой-Мерген вперед через порог не может перешагнуть, назад за дверь убежать — нет сил.

— Э-э-э, сестрёночка, дитя мое, — сказала сладким голосом лопухая старуха, — подойди ко мне, я тебе косы заплету!

Вежливая Боролдой-Мерген не смогла отказать старшему. Подошла, опустила голову на костлявые старухины колени.

— Позвольте, — говорит, — бабушка, из вашего костра головешку взять.

Старуха позволила. Обрадовалась Боролдой-Мерген. Прибежала домой, зажгла большой костер. До неба взвилось желтое пламя. «Ну, — думает, — сейчас я опять на гору пойду, чесноку, луку соберу».

Только хотела выйти за дверь, но будто кто держит ее, держит, не пускает. Боролдой-Мерген обернулась и видит: едва уловимая глазом, прозрачно-тонкая нить висит у нее на подоле. Боролдой-Мерген выхватила нож из-за пояса, отсекала нить и побежала к ярко-голубой скале.

— Ярко-голубая скала, откройся! Мою жизнь спаси!

Ярко-голубая скала отворилась и закрыла девочку. А старуха, наматывая шелковую нить на палец, шла по долинам, по холмам, через реки, сквозь леса. Там, где меж стволами и змее не проползти, пролезала старуха. Она была людоедка, и ей вдруг захотелось съесть Боролдой-Мерген. Вот пришла к аилу брата и сестры. А там нет никого.

— Казан, казан, — запела старуха, — где Боролдой-Мерген?

— Ой, — зазвенел казан, — если б Боролдой-Мерген жива была, я бы холодный здесь не пылился!

Старуха повернулась к костру:

— Огонь, огонь, где Боролдой-Мерген?

— Ой, ох, — вспыхнул костер, — когда бы Боролдой-Мерген жива была, я белым пеплом не был бы покрыт!

Старуха подошла к постели:

— Кровать, кровать, где Боролдой-Мерген?

— Аааа... — заскрипела кровать, — умерла наша верная Боролдой-Мерген...

Старуха полезла под кровать. Там валялись зазубренные палки — эдирек. Боролдой-Мерген этими палками всегда мяла, колотила шкуры звериные, кожу конскую.

— Эдирек, эдирек, где Боролдой-Мерген? — спросила старуха.

— Она жива, жива, жива! — застучали эдирек. — Она сюда придет, нас опять прибьет. Пойдите, бабушка, к голубой скале.

Старуха прибежала к ярко-голубой скале. Опустилась на правое колено, погладила левую косу:

— Скала, скала, выдай мне Боролдой-Мерген!

Но тут как раз пришел с охоты Барабош-Ару.

Увидела его старуха и сейчас же превратилась в мышь. Однако у мыши были такие длинные уши, что всякий сразу узнал бы людоедку. Обернулась она лошадю, но уши опять ее выдали. Тогда старуха превратилась в зайца и убежала в лес.

Барабош-Ару спустил по следу двух серых собак. Спасаясь от псов, все зайцы бежали прямо на охотника. Только один, самый крупный, повернул обратно в лес.

Барабош-Ару прицелился и спустил медную семигранную стрелу. С не человеческим, не звериным криком ушастая старуха упала вверх животом. Из круглой раны стали выходить проглоченные людоедкой люди. Все они с гневом подступили к Барабош-Ару. Как галки, разом загалдели:

— Кто тебя просил нас спасти? Зачем ты старуху убил? Разве нам плохо было у нее в животе? Мы там солнца не видели, зато дождь нас никогда не мочил. Цве-

тов не нюхали, зато зимы не знали. Не хотим жить на воле! Сажай нас обратно старухе в живот!

Но тут из раны выбежали еще и другие люди. Эти, плача и смеясь, целовали меткого охотника:

— Нам, солнца не знавшим, ты солнце дал! Луны не ведавшим — луну подарил. Будь же ты, Барабош-Ару, как заяц белый, как овца жирный! Сто лет живи, проворным конем владей!

Эти слова заглушили воркотню недовольных. Когда весь народ разбрелся по густой траве искать себе место для стойбища, Барабош-Ару увидал сестру свою Боролдой-Мерген. От радости брат слова забыл. Нежно ладонями ей щеки отер и тихо сказал:

— Бйлаба, сыйным! (Не плачь, сестра!)

Шелковая Кисточка — Торко-Чачак

Жила-была девочка, звали ее Шелковая Кисточка — Торко-Чачак. Глаза у нее были как ягоды черемухи. Брови — две радуги.

Однажды заболел старик-отец. Вот мать и говорит:

— Пойди, Шелковая Кисточка, позови мудрого кама¹.
Поспеш, дитя мое Торко-Чачак!

Девочка прыгнула в седло и поехала. Кам жил в белом берестяном аиле. Аил стоял над бурной рекой.

Кам сидел у своего порога и большим ножом резал березовые чойчойки. Брови у него были как мох. Борода росла от глаз и до земли. Еще издали увидал он Шелковую Кисточку.

Уздечка ее лошади прыгала, как хвост трясогузки. Кольца сбруи весело звенели. Кисточка на шапке сияла, как лунный луч.

Нож выпал из правой руки кама и до крови царапнул

¹ Кам — колдун.

ногу. Из левой покатила в костер чойчойка. Торко-Чачак три раза повторила:

— Дядя, мой отец заболел. Помогите нам!

И, только когда Шелковая Кисточка сказала свою просьбу восьмой раз, кам медленно зевнул, как бы пробуждаясь от сна.

— Завтра, на утренней заре, приду.

Еще не успели в стойбище расстелить на полу белую кошму, еще не заквасили чегеня для араки¹, как уже стал слышен звон бесчисленных бубенчиков с шубы кама и грозный гул его кожаного бубна.

Кам приехал затемно, задолго до зари. Молча, не открывая глаз, слез он с коня и вошел в аил. Люди внесли за ним его тяжелую шубу. Большой бубен повесили на гвоздь и зажгли под бубном костер из душистых ветвей можжевельника. Весь день, от утренней зари до вечерней, кам сидел молча, не поднимая век, отказываясь от пищи. Поздней ночью он глубоко, до бровей, надвинул свою красную шапку. Перья, выдернутые из хвоста филина, торчали на шапке, словно уши. Две тряпки свисали сзади, как два крыла. На лицо упали крупные, как град, бусы. Кряхтя, поднял кам с земли свою двухпудовую шубу. Просунул руки в тяжелые рукава. По бокам шубы висели сплетенные из трав лягушки и змеи. На спине болтались шкурки дятлов.

Длинные тряпки вздрогнули. Бубенцы зазвенели. Кам упал наземь, и люди видели только темный бубен да слышали страшный стук деревянной колотушки.

Кам встал, отблески пламени зажглись на его бубенцах. Кам вдел ноги в серебряные стремяна и стал медленно кружиться. Он кружился все быстрее и быстрее.

Вдруг бубенцы разом стихли. В тишине, как удар грома, ухнул кожаный бубен. Кам выпрямился. Руки его раскинуты. Бусы упали с лица на темя. Он сел, протянул руку к берестяному подносу, съел сердце козла и сказал:

— Надо уничтожить Шелковую Кисточку — Торко-Чачак. Нечистый дух Дер-Ээзи, хозяин земли, наслал на

¹ Арака — водка.

нас ее красоту. Пока девочка ходит здесь, коровы не дадут приплода, дети вымрут, болезнь старика не пройдет.

Женщины упали лицом вниз. Старики прижали руки к глазам, и сквозь стиснутые пальцы просочились слезы. Молодые люди два раза покраснели, два раза побледнели.

— Посадите Шелковую Кисточку в деревянную бочку, — гудел кам, — окуйте бочку девятью железными обручами, заколотите дно медными гвоздями и бросьте в бурную реку.

Кам скинул свою тяжелую шубу. Снял шапку, сел в седло и уехал.

— Эй, — сказал он дома своим слугам, — идите на берег бурной реки — вода принесет мне большую бочку. Поймайте, выловите ее и поставьте в мой аил. Сами бегите в лес. Плач услышите — не возвращайтесь. Стон, крик по лесу разольется — не приходите. Раньше чем через три дня в мой аил не показывайтесь.

Семь дней люди не решались выполнить приказ кама. Семь дней плакала Шелковая Кисточка. На восьмой ее посадили в большую бочку, оковали бочку девятью железными обручами, забили дно медными гвоздями и бросили в бурную реку.

А у реки в этот день удил рыбу сирота-рыбак — Балыкчи. Он первый увидел большую бочку, выловил ее, принес в свой зеленый шалаш, взял топор, выбил дно и увидел девочку. Как стоял Балыкчи с топором в руке, так и остался стоять. Словно кузнечик, прыгнуло его сердце.

Шелковая Кисточка рассказала Балыкчи про злого кама. Рыбак вынул девочку из бочки, посадил туда злую собаку и бросил обратно в реку.

Слуги кама поймали бочку, отнесли в аил, а сами убежали в лес: так приказал кам. Они еще недалеко ушли, когда из аила слышался крик, стон, вой.

— Помогите! — кричал кам. — Помогите!

Но слуги бежали еще быстрее, еще дальше: так приказал кам.

Только через три дня они посмели вернуться. Кам ле-

жал мертвый поперек костра. Кто перегрыз ему горло, слуги не могли понять.

А Торко-Чачак стала жить у рыбака в зеленом шалаше. Но есть им было совсем нечего, потому что рыбак больше не мог удить. Он день и ночь смотрел на Шелковую Кисточку. Сколько раз брал Балыкчи свою удочку, пробовал итти к реке! Шагнет — и обернется. А чуть только скроется за стволом сосны лицо девочки, Балыкчи бежит обратно, чтобы еще раз взглянуть на Шелковую Кисточку, потому что глаза у нее были как ягоды черемухи, брови — словно радуга, а в косах звенели китайские раковины.

Взяла Торко-Чачак кусок бересты, вырезала ножом на коре свое лицо, прибила бересту к палке, а палку воткнула в землю у берега. И Балыкчи стал часто ходить к реке, чтобы увидеть поближе разрисованную бересту.

Как-то раз засмотрелся на бересту Балыкчи и не заметил, что клюнула большая рыба. Рыба потянула леску, удочка выскользнула из рук Балыкчи, удилице зацепило палку, береста упала в воду и поплыла вниз по реке.

Громко заплакала Шелковая Кисточка, ладонями стала тереть свои брови, пальцами растрепала косы.

— Кто увидит бересту, придет сюда! Кто найдет бересту, кто придет? Уходи, Балыкчи, чтобы тебя не убили! Сшей себе козыю шубу, выверни ее мехом вверх, сядь на синего быка и поезжай искать меня вдоль реки.

У самого устья бурной реки раскинулось стойбище Кара-хана.

Его рабы выловили разрисованную бересту, увидели лицо Шелковой Кисточки и сели на берег, забыв о работе. Их шапки вода унесла. Скот разбежался по холмам.

— Кто сказал, что сегодня праздник? Чей справляете той? ¹ — загредел Кара-хан, подскакав к рабам.

Тут он увидел кусок бересты. Отнял бересту у рабов, тронул повод и повернул коня к истоку реки. За Кара-ханом поскакали его богатыри, силачи и герои.

Шелковая Кисточка была одна в зеленом шалаше. Она

¹ Т о й — свадьба.

не заплакала, не засмеялась, увидав это грозное войско. Молча села на белого, точно облитого молоком, коня, в шитое жемчугом седло.

В стойбище Кара-хана три года никто не слышал, как она говорит. Три года никто зубов ее в улыбке не видал. Она три года не плакала, три года не смеялась.

Вдруг в одно раннее утро Торко-Чачак захлопала в ладоши и весело улыбнулась. По дороге шел синий бык, на быке сидел парень в козьей шубе мехом вверх.

— Не над ним ли ты смеешься, Шелковая Кисточка? — спросил Кара-хан.

— Да, да!

— Милая Торко-Чачак, надеть шубу мехом вверх вовсе нетрудно. Сесть на синего быка я тоже могу. Я сам тебя сейчас развеселю.

Кара-хан приказал Балыкчи слезть с быка, сорвал с его плеч козью шубу. Потом, сопя, подошел к синему быку, поставил левую ногу в железное стремя.

«Мöö, ммö!» замычал бык и, не дав Кара-хану перекинуть через седло правую ногу, потащил его по долинам, по холмам.

Все народы, подвластные Кара-хану, стояли вокруг и смотрели.

От стыда лопнуло сердце Кара-хана.

А Шелковая Кисточка взяла сироту Балыкчи за правую руку, и они вернулись вдвоем в свой зеленый шалаш.

Счастливый Рысту

На солнечной стороне островершинной горы на берегу молочного озера жил мальчик. Ростом он был с козленка. Из двух беличьих шкурок мальчик сшил себе просторную шапку. Ноги обул в кисы¹ из козьего меха. Лицо у мальчика было, как луна, круглое, и он никогда не плакал.

Вот раз к молочному озеру приехал на белом коне Ак-Каан. Услыхал нежный звон.

— Что такое?

Перегнулся через седло. Черенком нагайки раздвинул кусты и увидел круглолицего мальчика. Малыш сидел на карточках, дул в сухой стебель цветка, и стебель пел, словно золотая свирель.

— Как тебя зовут, дитя?

— Мое имя Рысту — Счастливый.

¹ Кисы — меховые сапоги.

— Кто твои родители?
— Отец мой — гора, мать моя — озеро.
— Откуда ты знаешь это?
— Гора меня кормит клубнями цветов, озеро поит меня.

Ответ малыша очень понравился Ак-Каану.

— Хочешь быть моим дитятей, милый Рысту? Я тебе сошью шелковую шубу, вкусной пищей стану кормить, дам проворного коня.

Рысту прыгнул на круп лошади, обнял Ак-Каана, и они поехали ко дворцу. Тут хан схватил малыша за шиворот, поставил на землю:

— Мой белый скот ты будешь пасти!

Зимой Рысту гнал стада с гор в долины. Весной и осенью, день и ночь он скот перегонял. Снег и дождь его не жалели. Ветер злобно дул. Сапоги на ногах скоробились. Шуба присохла к плечам. Глаза научились плакать. Рот стал жалобные песни петь. Но никто его слез не видел. Никто плача его не слышал. Один раз споткнулся Рысту, упал в траву и сам не заметил, как уснул. Во сне к нему подошел сморщенный старик.

— Ты, сынок, когда один на горе жил, не умел плакать, не знал тоскливых песен. О чем же ты стонешь так горько во сне?

— Мои ноги болят. Мои руки устали. Живот озяб. Я не могу день и ночь за коровами бегать!

Старичок погладил свой костыль, поправил усы; глаза его совсем узкими стали.

— А ты, сынок, когда захочешь лечь, скажи коровам: «Пып!» Побегать захочешь — скажи коровам: «Тап-Тажлан».

Рысту открыл глаза и увидел над головой солнце.

«Мöö...» мычали коровы и брели в разные стороны.

— Пып! — крикнул Рысту.

Коровы тут же легли.

Теперь малыш опять повеселел. Он сидел целые дни на берегу реки и дразнил птиц. А коровы лежали и даже не смели мычать. Но, лежа, они не могли щипать траву и стали худеть. Это заметил Ак-Каан.

— Лентяй, коров пасти не умеешь! Разве ты мальчик? Я тебя заставлю теперь, как девчонку, чегень¹ бить!

И стал Рысту день и ночь мешать длинной палкой кислый чегень. Руки мальчика не отдыхали. Глаза не смыкались. Жена Ак-Каана гнала из чегеня араку и угощала всех, кто приходил во дворец. Гости и слуги валялись всегда пьяные. А мальчик Рысту стоял и работал.

— Это что за работа! — ворчала пьяная ханша. — Разве так чегень мешают? Сейчас возьму нож — твою голову рассеку! Пику возьму — сердце выколю!

У хана было двое детей. Они всегда пищали, точно слепые щенята. Вот раз девочка стала отнимать у брата козлиные бабки. Мальчик крепко держал кости и мычал. Девочка царапалась и визжала.

— Пып! — крикнул Рысту, и рука девочки прилипла к голове брата.

Увидела это ханша.

— Что с вами, дети мои? — заплакала она, обнимая сына и дочь. — Лучше б это с чужим мальчишкой случилось!

— Пып! — прошептал Рысту.

И ханша прилипла к детям.

— Пьяные вы, что ли? — спросил Ак-Каан.

Поднял он руку, ударил ханшу. Рысту сказал свое «пып», и ладонь хана прилипла к плечу жены.

А Рысту срезал себе дудочку и заиграл, как порхающая в небе птица.

— Ты, грязный, червивый Рысту! Беги позови лучших камов, — прохрипел хан.

Рысту привел всех камов со всех стойбищ, и каждый взял себе по жирной кобыле для жертвы. Много скота зарезали камы, выпили всю араку, но вылечить семью хана они не смогли.

Все камы, качая головами и отрывивая жирную пищу, молча сидели вокруг склеенной семьи. Наконец самый старый сказал:

— Там, где земля сливается с небом, как раз на этой

¹ Чегень — кислое молоко.

черте живет великий Телдекней-кам. Он один сможет вылечить хана.

Рысту побежал за Телдекнеем.

Великий Телдекней приехал ко двору хана на синем быке. Сплюнул сквозь зубы.

— Таковую болезнь если не вылечу, где ж тогда моя слава?! Я не успею трубки докурить, как они будут здоровы.

Так похваляясь, кам Телдекней спешил, сел на зеленую траву, достал из-за пояса огниво, чтобы высечь искру для трубки, но тут малыш Рысту сказал:

— Вы, такой большой человек, зачем садитесь на сырую траву? Лучше присядьте на теплый камень.

Кам Телдекней медленно встал и важно сел на белый камень.

— Пып, — тихо сказал Рысту.

Телдекней-кам закурил свою длинную трубку. Все на него, не дыша, смотрят.

— Эту трубку выкурю, и ты, хан, здоров, счастлив будешь.

Но выкурил он и вторую и третью трубку, а хан и семья его сидели, прилипшие друг к другу, как прежде.

Кам Телдекней встал, вместе с ним поднялся с земли белый камень. Телдекней-кам тут же обратно сел. Великому каму было стыдно стоять с камнем, прилипшим к тому месту, на котором люди сидят. Глаза Телдекнея чуть не выползли из век.

— Что это за камень, дитя мое Рысту?

— Обыкновенный камень, — отвечает малыш. — Камень с горы. Поклонитесь хозяину гор.

Телдекней припал лбом к земле.

— Пып! — крикнул Рысту.

И люди увидели, что кам не может поднять головы.

— А-а, так это, значит, твои штуки, бессовестный Рысту?! — взвыл хан. — Сейчас убью тебя!

Рысту поднял вверх правую руку. Его луноподобное лицо заалело.

— Тап-Тажлан! — сказал он, и семья хана покатила в разные стороны.

Великий Телдекней-кам оторвал лоб от земли, прыгнул с камня в седло, и больше его никто не видал.

Малыш Рысту подошел к освобожденному хану.

— Ну, теперь убейте меня! Вы хотели.

Хан дрожал, словно мышь, зажатая в ладонь. Ханша стояла, как большая лягушка. Дети спрятались.

А молодой Рысту шагнул через золотой порог, на золотой трон смело сел. Посидел немного и крикнул самому себе:

— Тап-Тажлан!

Трон подпрыгнул, и Рысту, слетев с трона, побежал к молочному озеру, на цветущую гору.

Корова и звезды

Сейчас конь с коровой не водится. А было время, даже родственниками считались. Вот раз летом пошли два друга на зеленый луг.

— Вон густая актамыр-трава. Пожалуйста, корова, кушай!

— Нет, дядя-конь, это тебе пусть будет актамыр-трава.

Так ходили они по светлым холмам. От жары бока у них потемнели. Оводы роями, словно пчелы, выются. Захотелось им в тень. Спустились в прохладную долину.

— Мё, дядя-конь, мё-ё-ё... — замычала корова. — Что там лежит?

Конь медленно глазом повел: на дне темного оврага спокойно спало созвездие Улькер¹.

Поднял конь ногу и своим копытом рот корове заткнул.

— Пшш... Не мычи! Пока эти звезды спят, придавим их копытами к земле.

— Мё-ё-ё, я первая увидала! Я первая наступлю!

¹ Улькер — созвездие Плеяд.

— Стой! Не глупи! Твои копыта меньше моих, твои мышцы слабее моих. Не удержишь.

Но корова своего дядю-коня не послушала, прыгнула всеми четырьмя копытами на спящее созвездие.

Встрепенулись звезды, зашипели. Пополам треснули коровьи копыта, и через эту щель созвездие Улькер взвилось со дна оврага на дно неба.

— И-хо-хо! — заржал конь. — Теперь на свои ноги взгляни. Как вилы! Больше мы не родня.

Широко махая шелковым хвостом, без оглядки ускакал конь.

С того времени стали у коровы парные копыта.

А созвездия Улькер с тех самых пор летом не сыщешь ни в небе, ни на земле. На лето оно прячется от копытного скота в зыбкое болото.

Золотая чойчойка

Когда Караты-хан умер, вместе с ним положили в могилу его шубу, шкуры, на чем он спал, и чойчойку, из какой пил. А чойчойка была золотая. Сын Караты-хана, молодой Кёз-Кичинек, эту чойчойку никак забыть не мог: ведь она была золотая! Вот позвал Кёз-Кичинек сироту-раба.

— Пойди, вонючий Диту, к моему отцу, принеси мне с того света золотую чойчойку. Не пойдешь — я у тебя живого душу вырву, мертвого тебя в куски разорву!

Спустился Диту в долину — что делать, не знает. Как на тот свет попасть, ему неизвестно. Идет, куда ноги ведут. Повстречал он сухую, как осенний лист, старушонку.

— Милый мальчик, почему ты такой темносиний?

— Мне сын Караты-хана велел к своему умершему отцу сходить, а дороги я туда не знаю.

Старушка села на землю, откашлялась.

— Ты всё на запад иди. В западной стороне вход в подземный мир. Вот тебе семь гребней, сынок, семь иголок с ниткой, семь железных столбов. Если ум у тебя есть, эти вещи тебе пригодятся.

Где сидела старуха, там примялась трава. Куда ушла

старуха, не заметил Диту и следов ее не нашел. Он повернул к западу, пришел туда, где дня нет, и увидел под ногами глубокую яму. Спустился вниз.

— Ааа!.. — раздался из глубины пронзительный крик, и семь косматых девушек окружили Диту. — Мы твои глаза выцарапаем! Живот разорвем! Здесь живым места нет!

Диту бросил наземь семь гребней. Девушки тут же сели на пол и стали расчесывать свои косы. А Диту побежал дальше.

— Ооо!.. — завыло впереди, и семь женщин ринулись навстречу Диту. — Живой! Сейчас же умри!

Диту кинул им семь иголок с ниткой, и женщины тут же принялись зашивать свои ветхие шубы.

— И-а-и-а... ио... ио!.. — заревели семь верблюдов и, качая горбами, побежали навстречу Диту.

Но он успел воткнуть в землю семь столбов.

Верблюды стали шорхаться о железные грани.

А Диту всё идет да идет. Вот подошел к большой пещере. Перед пещерой сидит сам Караты-хан — пьет из золотой чойчайки густую араку.

— Как живешь, вонючий Диту?

— Хорошо. А вы как здесь существуете, великий хан?

— Замечательно! Если бы ты знал, Диту, какой табак мы здесь курим, не захотел бы ты живым остаться. Ради этого табаку, честное слово, умереть не жаль!

Караты-хан поставил золотую чойчайку на пол и закурил длинную трубку. Диту схватил чойчайку и давай бежать. Караты-хан — за ним, но никак догнать не может: Караты-хан умер очень старым, а Диту всего — шестнадцать лет.

— Эй, верблюды! — крикнул Караты-хан. — Ловите Диту, держите Диту!

— Йок, нет, — ответили верблюды. — Когда мы об угол твоей пещеры шорхались, ты нас батогами гнал, а этот Диту всем нам по железному столбу поставил.

— Хватайте его, не пускайте! — крикнул Караты-хан старым женщинам.

— Нет, — ответили женщины. — Ты нам за семь лет ни разу новой одежды не подарил, даже звериных жил не дал,

чтобы наши лохмотья зашить, а этот Диту принес нам иголки и нитки.

И Диту свободно пробежал. Караты-хан — за ним.

— Эй вы, — крикнул он девушкам, — поймайте Диту, свяжите его! Сюда притащите!

— Нет! Ты за семь лет нам, семерым, ни одного гребня не дал, а этот Диту всем нам подарил по расческе.

Диту бежит все дальше, все быстрее, уже схватился рукой за край ямы.

— Диту, Диту! — закричал Караты-хан. — Моему сыну привет от меня передай! Пусть он опрокинется кверху дном и превратится в пустой котел. А невестке скажи, чтоб улетела из дому черной сорокой.

Диту выпрыгнул из подземного мира и побежал к стойбищу молодого Кёз-Кичинека. Еще издали увидел Кёз-Кичинек золотую чойчойку.

— Неужели ты в самом деле у моего отца был?

— Да, — отвечает Диту. — И ваш отец передал вам привет: пожелал он, чтобы вы опрокинулись вверх дном и превратились в пустой котел.

Кёз-Кичинек до конца дослушать не успел, словно кто наподдал ему сзади, — так быстро он перевернулся и упал в долину пустым котлом. Обрадовалась его жена:

— Теперь за кого хочу пойду замуж!

А Диту ей в ответ:

— И вам, почтенная, Караты-хан привет послал: чтобы вы стали черной сорокой, хотел он.

Женщина только полслова сказала по-человечьи, а все остальное уж пришлось ей по-сорочьему говорить. Еще до сих пор болтает сорока, всё никак не может свой гнев до конца высказать.

Так остался раб Диту-Биту в белом аиле совсем один. В правой руке у него золотая чойчойка. Эту чойчойку Диту до краев аракой налил, самому старому старику поднес. Самой старой старухе вторую чойчойку подал. А третью налил молодой девице Чайнеш.

Нарядный бурндук

Жил на Алтае старый большой медведь. Его любимая еда — кедровый орех. Брал он орехи только с одного кедра. Толстый кедр, в шесть обхватов. Ветки частые. Хвоя шелковая. Сквозь нее никогда дождь не каплет. Издали по-смотришь — будто десять кедров из одного корня выросло. Это дерево старый большой медведь от зверей и людей заботливо охранял. Хорошо жилось медведю подле широкого кедра.

Но вот однажды пришел медведь, а у толстого кедра орехов нет. Ходил медведь вокруг, глазам своим не верил. Уцепился за ветви — будто свинец к поясице привязан.

«Долго не евши, разве так отяжелеешь? Видно, состарился я».

Согнулись ветви кедра от тяжести медведя, чуть-чуть не треснули. На вершину кедра вскарабкался старик, каждую веточку осмотрел. Нет орехов.

На другой год пришел медведь — орехов всё нет. На третий год — опять пусто.

Посмотрел большой медведь на свою бурую мохнатую шерсть: как огнем опаленная, пожелтела.

«Э-э-э, ма-а-аш, как я похудел!»

Двинулся медведь сквозь частый лес искать себе пропитания. Бурную реку перебродил, каменными россыпями шагал, по зеленой шелковой мураве ступал. Сколько зверей встречалось ему, даже глазом не повел.

— Брык-брык, сук-сук! — вдруг закричал бурундук, испугавшись большого медведя.

Медведь остановился. Поднял переднюю лапу, шагнуть хотел и, не опустив ее, не дыша, остановился...

«Э-э-э... ма-а-аш, как же я забыл?.. Бурундук очень старательный хозяин. Он на три года вперед запасается. Погоди, погоди, погоди! Надо нору его раскопать: у него закрома никогда пустыми не стоят».

И пошел нюхать. И нашел. Не легко старому твердую землю копать. Вот корень. Зубами грызть — зубы не берут. Лапами тащить — силы нет. Медведь размахнулся: рраз! — сосна упала. Медведь размахнулся: два! — береза повалилась. Услыхал эту возню бурундук и ум потерял. Сердце изо рта выскочить хочет. Передними лапами рот зажал, из глаз слезы ключом бьют. «Такого большого медведя заметив, зачем я крикнул? Рот мой, разорвись!»

Кое-как на дне норы, в сторонке, выцарапал бурундук ямку и спрятался туда. Медведь наконец-то перегрыз корень, просунул лапу — один орех нашел. «Э-э-э... ма-а-аш, сказал же я: бурундук — запасливый хозяин».

Морда медведя посветлела. От радости слеза блеснула. Дальше полез лапой — еще больше орехов нашел. Обрадовался медведь:

«Э-э-э... ма-а-аш, еще поживу, видно! Этого милого бурундука как же я поблагодарю? Чем отдарю?»

Отощавший желудок медведя наполнился. Утомленное тело легким стало. Шерсть светится, как золотая. Большой медведь оглянулся, себя пощупал: бурундуку подарить нечего. «Стыд будет мне, если, чужую пищу съев, спасибо не скажу. Где же этот милый бурундук?»

Посмотрел кругом — бурундука не видит.

Медведь заглянул в норку, увидел ямку, хвост бурундука над ней торчком стоит.

— Э-э-э... ма-а-аш... Хозяин-то, оказывается, здесь. Благодарю! Пусть ваши закрома пустыми не стоят. Вы такой

добрый, будьте всегда счастливым. Позвольте вашу честную лапу от души пожать!

Протянул медведь бурундуку правую руку, но бурундук медвежьего языка не понимает. Увидав над собой черную лапу, закричал:

— Брык-брык, сук-сук! — и скок из норы.

А медведь левой лапой его подхватил.

— Благодарю вас, маленький, — говорит: — голодного меня вы накормили, усталому мне отдых дали. Нестареющим, крепким будьте. Небеднеющим — богатым желаю вам быть.

Бурундук слов медведя не может понять, он по-медвежьему разговаривать никогда не учился. Освободиться, бежать хочет, медвежью жесткую ладонь тонкими коготками скребет, а у медведя ладонь даже не чешется.

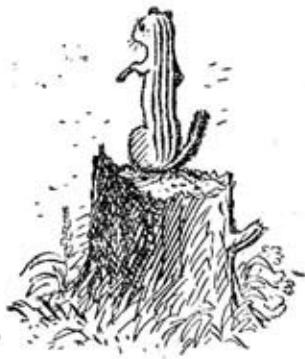
— Э-э-э, ма-а-аш, где вы росли — моих слов не понимаете? Я вам говорю спа-си-и-бо! Сколько раз повторяю, а вы не отвечаете. Улыбнитесь хоть немножко. Я же вас благодарю. Спасибо вам говорю!

Замолчал медведь. А бурундук думает: «Кончил со мной медведь разговаривать, теперь есть начнет».

Рванулся из последних сил.

— Э-э-э, ма-а-аш, не хотите слов понимать?

Поднял правую лапу и погладил бурундука с головы до хвоста. От пяти черных медвежьих когтей заструились на спине бурундука пять черных красивых полос. Вот с тех пор и носит потомство бурундука нарядную шубу — медвежий подарок.

Лиса-сваха

На холмистой горе спала красная лиса: Много ли, мало спала — не помнит. Проснувшись, ушами повела — пустой живот к ребрам прилип.

— О-ой, как я голодна-а-а!..

От голода забыла страх и смело побежала на опушку леса, к ветхому аилу.

«Около человека всегда есть чем поживиться. Курица ли, кость ли — мне все равно, лишь бы еда».

Так думала лисица, рыская вокруг аила. Однако ни кости, ни копыта ей не удалось найти.

«Вот жадные люди! Неужто все объедки оставляют в доме?»

Лиса сунула морду в щель и увидела: костер в этом аиле покрыт пеплом в сто слоев. У потухшего очага, положив под голову обгорелую плаху, лежит молодой человек. Жив или умер — неизвестно. Когда лиса дернула его за ухо, он поднял голову. Глаза его на утренние звезды были похожи.

— Ух, какой парень! — вздохнула лиса. — Я таких еще никогда не видывала. Зачем ты валяешься у остывшей

золы? Почему не идешь сватать единственную дочь Караты-хана?

— Потому что меня зовут Яланаш — Без-рубахи. На мне в самом деле никогда рубахи не было. Видишь, овчина висит на голых плечах?

— Что же ты тут делаешь, Яланаш?

— Лежу, смерти жду. Я уж десять дней ничего не ел.

— А-а! Однако я во-время пришла. Теперь, я думаю, самое подходящее тебе дело — породниться с Караты-ханом. Тогда уже голодным не останешься.

Яланаш взял из-под головы обгорелую плаху и бросил в лису.

— Смейшься!

Лиса подпрыгнула, и плаха задела только ее левую заднюю лапу.

Прихрамывая, побежала лиса к Караты-хану.

— Великий хан! Яланаш просит ваш большой котел. Он этим котлом хочет масло мерить.

— Ты — глупая лиса, — отвечает Караты-хан. — У Яланаша ни одной коровы нет. Капли молока ему негде взять. Откуда же у него масло?

— Солнцем клянусь, не знаю, великий хан, но масла у Яланаша так много, что из аила на камни течет. Я поскользнулась, чуть ногу не сломала. Видите, хромяя теперь.

Караты-хан, усмехаясь, подал лисе самый большой котел. С этим котлом лиса обежала все стойбища, все кочевья:

— Подайте немного масла голодной лисе!

Кто ложку, кто пол-ложки дал; так понемногу лиса собрала полный котел и принесла Яланашу.

— Караты-хан послал тебе в подарок котел масла. Твое лицо ему понравилось.

С голоду Яланаш съел сразу половину масла из котла. Остальное лиса отнесла Караты-хану.

— Спасибо, великий хан, вот ваш котел.

— А чье в котле масло?

— Верно, Яланаш позабыл. Уж мы мерили, мерили — надоело нам это. Ему лень было вылить остаток из котла.

Караты-хан так долго смотрел в котел, будто там было не масло, а луна.

— Кхе, кхе... — забеспокоилась лиса. — Кхе, великий хан, Яланаш у вас весы просит. Ему надо деньги свешать.

— Глупая лиса, кто взвешивает деньги? Их считать надо, а не вешать.

— Ох, великий хан! Мы уже пять дней, пять ночей считаем, никак не можем сосчитать. У меня от этого счета ум из головы выскочил. Сам Яланаш тоже без ума сидит.

Караты-хан подал весы. Улыбка у него не вышла. Смех в горле застрял. А лиса взяла весы в зубы и пошла по стойбищам — гроши собирать. Гроши она сменила на копейки, копейки на рубли, рубли на десятки и прибежала к Яланашу.

— Долго ли ты будешь валяться, лентяй? Смотри, все женихи отцу за невесту подарки шлют, а тебе отец невесты денег послал.

Тут Яланаш вскочил, обнял лису и крепко поцеловал ее.

— Что хочешь, прикажи, верная лиса, все исполню!

А лиса самые новые монеты запихала во все щели весов и побежала к Караты-хану.

— Ой, сколько монет застряло! — сказал Караты-хан.

— Неужели? — удивилась лиса. — А мы даже и не заметили.

Караты-хана пот прошиб. А лиса встала на задние лапы, перекинула хвост через левую переднюю лапу, правой глаза спрятала и говорит:

— Ах, великий хан, стыд свой куда дену? Этот богач Яланаш хочет сватать твою единственную дочь.

Караты-хан темносиним стал. Потом вспомнил о богатстве Яланаша и ласково отвечает:

— Скажи Яланашу: Караты-хан дает ему дочь. Пусть богач Яланаш пригонит мне тысячу белых овец, пришлет тысячу ташауров¹ араки и принесет сто собольих шкур. Ведь он сватает ханскую дочь.

¹ Ташаур — сосуд из кожи.

— Ты очень мало просишь, великий хан. Сколько у Яланаша овец, столько же у него и коров и верблюдов. Если твои мосты выдержат, он может тебе сто тысяч голов скота пригнать.

Караты-хан обиделся:

— Через этот мост сам богатырь Дельбеген сколько раз ездил!

— Якши болсын! Будьте здоровы! — сказала лиса. — Через неделю ждите Яланаша.

Где была лиса, там ее нет. Она полезла под мост и там семь дней зубами подтачивала сваи. Когда бревна у перехвата стали тонкими, как лыко, лиса приказала Яланашу итти к Караты-хану, а сама побежала вперед и тявкает:

— Дорогу! Дайте дорогу верблюдам! Сторонись, народ: быки идут! Эй, выходите овец принимать!

Караты-хан, его гости и слуги выбежали встречать Яланаша. Яланаш ступил на мост — мост затрещал, и Яланаш провалился в реку.

— Ой, ой! — взывала лиса. — Мне скота не жаль, пусть арака пропадет, пускай соболя шкуры гибнут, лишь бы мой Яланаш был жив!

Лучшие богатыри на конях вошли в бурную реку, вытащили Яланаша без рубахи и положили на траву. Гольый Яланаш был красивее богатырей в золотых шубах. Прекрасней алынов¹ в куртках из бронзы. Караты-хан приказал дать Яланашу желтую шелковую шубу и шапку из лапок соболя. Дочь Караты-хана, увидав Яланаша, опустилась на оба колена и взяла его за правую руку. Тут стали справлять той: в игры играть, мясо есть, араку пить. Семь дней веселились во дворце у Караты-хана.

На восьмой день оседлали коней, едут в гости к Яланашу. А лиса бежит впереди и кричит:

— Эй, люди! Караты-хан едет. Сейчас же скот колите, соболя шкурки тащите!

Взбежала лиса на скалистую гору, к золотому дворцу хана змей:

— Эй, змеи! Караты-хан едет, всех вас сейчас убьет!

¹ Алыны — герой.

Змеи выползли из золотых постелей, из серебряных щелей.

— Что нам делать? Как спастись?

— Идите за мной, — протявкала лиса. — Я вас всех хорошо спрячу.

И лиса побежала на скошенный луг. Змеи поползли за ней.

Посреди луга стоял высокий стог.

— Лезьте все в этот стог! — приказала лиса.

Ядовитые змеи, шурша, заползли в сено. Стог шипел от них, как масло в чугуне.

— Эй вы, тише там! — приказала лиса. — Караты-хан услышит.

И тут лиса стукнула огнивом о кремень, искра упала в сено. Стог вспыхнул, и змеи сгорели. Теперь лиса побежала навстречу Яланашу. А Яланаш уже подъезжал к своему ветхому аилу.

— Ой, Яланаш! — крикнула лиса. — До чего же ты пьян, сынок! В свой золотой дворец дорогу позабыл. Зачем ты ведешь великого хана в этот грязный шалаш? Поверни лошадь направо.

Яланаш послушал лису и приехал в золотой дворец. Сам Караты-хан такого богатства еще не видывал. Его дочь чуть не ослепла от блеска.

А лиса улыбнулась Яланашу, сказала ему: «Якши болсын! Будь здоров!» — и убежала в лес. Больше эту лису никто не видел. Успел Яланаш накормить ее или нет, тоже неизвестно.

Эскюзек и Алтын-Чач

Куда ворон не залетает, на краю голубой долины, куда сорока не может долететь, на краю желтой долины, подмышкой у ледяной горы стоял маленький, как сердце, аил. Из него вился тонкой нитью белый дым. В аиле жил смуглый мальчик Эскюзек.

Он кормился молоком бурой коровы, играл с желтой козой, ездил на буланом коне.

Вот раз проснулся Эскюзек, кликнул коня, а коня-то и нет, и коровы нет, и коза пропала. На вершину ледяной горы ведут следы семи волков.

Громко заплакал Эскюзек:

— Оглянусь назад — кроме тени, нет ничего. Руки подниму — только за уши ухватиться можно. Нет у меня отца, который поддержал бы. Нет матери, что пожалела бы. Птенцу, выпавшему из гнезда, все равно где сгнить. Пока не отомщу волкам, домой не вернусь!

И ушел Эскюзек от своего круглого, как сердце, аила.

Идет день. Идет ночь. Вот поднялся на узкое ребро горы. Шагнул — и скатился в пропасть. Здесь ни солнца,

ни луны не видно. Закричал Эскюзек. Этот одинокий плач тронул сердце орла Кан-Кередэ. Сомкнул Кан-Кередэ широкие крылья, камнем упал на дно пропасти, когтистой лапой схватил Эскюзeka и поставил его туда, где листья на деревьях не желтеют. Кукушка там нежно кукует весь год.

Прямо против Эскюзeka, на розовой каменной россыпи, лежали семь серых волков, опустив свои черные морды на твердые лапы. Эскюзек выхватил из-за пояса синий топор.

— Где мой буланный конь? Где бурая корова? Коза моя где?

Что дальше было, не помнит Эскюзек. Очнулся он в большой пещере. На полу — медвежьи шкуры. Шелковые занавеси затканы лунным и солнечным узором. Семь волков подают Эскюзeku золотую чойчайку с крепким чаем, золотой поднос с жирным кушаньем. Эскюзек поел.

— Не хотите ли теперь на свой скот взглянуть?

Эскюзек вышел из пещеры. Сытый буланный конь опустил ему на плечо свою шелковистую гриву. Корова пришла с приплодом; коза скачет, бородой трясет.

— Что подарить вам? — спрашивают волки.

— Если не жаль, дайте щенка, что валяется у вас под порогом.

Семь серых волков, как один, спиной повернулись, тяжелую слезу уронили.

— Берите собаку.

С розовой каменной россыпи, от вечно цветущей белой черемухи ушел Эскюзек. Шел по зыбким болотам, поднимался на крутые горные перевалы. Шел серым степным песком. Но дороги домой не видно.

Эскюзек сел на пень и закрыл глаза.

— Приди, смерть! Меня, голодного, ты легко победишь.

Но смерть не пришла. Открыл глаза Эскюзек.

Что такое? Стоит перед ним поднос. На подносе сыр и мясо. Поел Эскюзек, отдохнул, накормил щенка. Встал, а перед ним голубая долина и подмышкой у ледяной горы круглый, как сердце, аил. Эскюзек зажег в темном

аиле веселый костер и видит: через край деревянной чашки льются розовые сливки, над очагом в медном котле кипит густо заваренный чай.

Кто это приготовил?

Эскиюзек лег на козью шкуру, закрыл глаза.

Всю ночь и все утро лежал он не шевелясь. Солнце из-за гор давно вышло, а Эскиюзек все лежит.

В полдень желтый щенок заскулил, завозился. Взвыл раз, взвыл другой, встряхнулся, и упала собачья шкура. Девушка к очагу подошла. Ее серьги — как две луны. Брови бархатно-черные. Золотые косы нежно сияют.

Эскиюзек схватил собачий мех, а красавица ударила ладонями по круглым коленям. Открытые глаза полны слез.

— Отдайте мне мою шкуру!

Эскиюзек на оба колена пал.

— Грязными пальцами вас тронуть нельзя. Вопросы вам задать я не смею, почему вы собакой стали.

— Караты-хан хотел меня в жены взять. Чтобы избавиться от него, мои братья обернулись волками, а я — собакой. Зовут меня Алтын-Чач — Золотые Волосы. Отдайте мою шкуру!

Эскиюзек спрятал собачью шкуру в золотой ящик, запер в железный и все это опустил в деревянный ларь.

Вот как-то раз у Караты-хана пропал белый, как молоко, жеребец с четырьмя ушами. За жеребцом убежал табун молочно-белых кобылиц. Караты-хан сам поехал искать их. Куда только взгляд может достичь, всюду смотрел Караты-хан: белого табуна не увидел. Уже хотел повод обратно повернуть, но вдруг заметил он на краю голубой долины, подмышкой у ледяной горы, тихий свет.

Присмотрелся Караты-хан: огонь выходит из маленького, как сердце, аила. Подобрал Караты-хан полы шубы, хлестнул восьмигранной плетью своего иноходца. Как стрела с тугого лука, полетел бурый конь.

— Э... эй! — вскричал Караты-хан. — Чей аил горит?

Эскиюзек с испугу позабыл достать собачью шкуру. Алтын-Чач выбежала, как была.

И понял Караты-хан: не луна светит, не аил горит, — это волосы Алтын-Чач отражают утреннюю зарю.

Подобно низкой горе сдвинулись брови Караты-хана. Как бурная река рвет берег, так разорвал, искусал он свои губы. Повернул повод коня и, не оглядываясь, позабыв о белом табунае, проскакал в свой белый дворец.

Он не может на трон сесть: трон будто раскаленный камень. Он есть не может: будто кость застряла в горле. Из круглой сумки достал бумагу и стоя написал:

«Я, хан Караты-Каан, владеющий всеми народами Алтая, бесчисленным белым и красным, рогатым и однокорытным скотом, вызываю тебя, безлошадного Эскиюзек, на великий подвиг.

Если ты достанешь из орлиного гнезда золотое яйцо, то мои народы, говорящие на шестидесяти разных языках, твоими будут. Мой скот шестидесяти мастей я тебе отдам.

Но если я, хан Караты-Каан, тебя в аиле найду, Алтын-Чач моей станет. Твою голову отрублю — к твоим ногам приложу, твои ноги отрежу — к голове приставлю.

Эту грамоту писал я, хан Караты-Каан, едущий на темнобуром коне».

На краю дымохода во дворце всегда сидели два ястреба. — Быстрее слов летите! — сказал им Караты-хан.

Ястребы, прихватив клювами грамоту, устремились к маленькому аилу, бросили письмо и улетели.

Алтын-Чач прочла грамоту. Лицо ее два раза потемнело, два раза побелело.

— Караты-хан велит тебе за золотым яйцом к орлиному гнезду итти.

С того дня Эскиюзек днем без отдыха, ночью без сна шел. Таяли дни, как снежинки. Годы, как змеи, ползут. Летом солнце ему плечи жгло. Когда снег за ворот падал, он зиму узнавал. Шел он, все шел — и вдруг растаяла черная туча. Бронзовый тополь с девяноста девятью сучьями перед Эскиюзеком стоит. Из-под корней тополя глядят глаза змеи. На вершине тополя в большом гнезде тихо плачут два орленка.

Эскиюзек отвел от ледяных зрачков змеи свои теплые глаза. Натянул черный лук. Концы лука сошлись. Эскиюзек спустил стрелу. Три змеиные головы покатались в три конца земли.

Из змеиной крови черное море налилось. Как вечная большая гора, тело змеи на берегу лежит.

— Потухший костер кто раздул? Мертвых нас кто оживил? — крикнули орлята.

Эскюзек вышел из-за тополя.

Орлята выпростили голые крылья. Эскюзек ухватился за них, и орлята подняли его в гнездо.

Луна восходила — Эскюзек с орлятами мясо варил, трубку курил. Луна таяла — Эскюзек с орлятами песни пел. Сколько раз вставало солнце, они не считали. Только когда страшный ветер подул, замолкли орлята.

— Это наш отец и мать крыльями машут.

Густой, буйный дождь пролился.

— Это отец с матерью по нас плачут.

Над горами, над реками, надо всем широким Алтаем распластались два крыла: это Кан-Кердэ-орел летит.

И еще два крыла над всей землей распахнулись от восточного конца неба до западного: это летела Кан-Кердэ-мать.

— Чем в гнезде пахнет? — крикнули птицы Кан-Кердэ.

Как спущенные с тетивы, они рванулись вверх.

— Кто в гнезде сидит?

— Отец, мать, под тополь взгляните! — просят птенцы.

Кан-Кердэ увидели под тополем труп трехголовой змеи. Они пали вниз, как сброшенный сверху меч.

Три раза убитую змею глотнули, три раза выплюнули.

— Какой богатырь врага победил?

— Пока ваше сердце не успокоится, пока желудок не согреется, пока клювы не высохнут, не покажем, — отвечают птенцы.

— Верные наши орлята, богатыря покажите! Мы его когтем не зацепим, клювом не тронем.

Орлята медленно крылья раскрыли. Робкими глазами смотрел Эскюзек на больших орлов. Кан-Кердэ-мать взъерошила перья. Кан-Кердэ-мать страшным клекотом заклекотала. Страшным клювом рванула шубу Эскюзека, увидела на его голом плече четыре глубоких шрама. Четыре раза простонала Кан-Кердэ.

— Когда-то из глубокой пропасти я спасла тебя, Эскюзек. На твоём плече след моих когтей. Теперь ты орлят наших спас. Что хочешь? Зачем пришел?

— Караты-хан велел мне из вашего гнезда золотое яйцо украсть.

— Мы с Караты-ханом друзьями не были, — отвечают Кан-Керעדэ. — Разве станет он свое добро в чужом гнезде хранить! Золотого яйца у нас нет.

Тут молодые кости Эскюзека окрепли. Его голос мужским стал. От гнева смуглое лицо посинело.

— Если позволите, — сказал Кан-Керעדэ-отец, — я отнесу вас к вашему стойбищу.

Сел Эскюзек на широкую спину отца Кан-Керעדэ. Вцепился в темные перья. Как летел, не видел. Сколько летел, не понял. Куда попал, сам не знает. На этом стойбище никогда не бывал.

В пустом поле только один развалившийся шалаш стоит. В шалаше — черный, гнилой старик. Передние зубы у старика выпали. Усы побелели. Ноги крепко спутаны тугим ремнем. Шея зажата деревянной колодкой.

— Откуда ты, милый мальчик, пришел?

Дал старик Эскюзеку ломоть курута, угостил его молоком. Поздно вечером к шалашу подошла желтая старуха. Хотела курут пожевать — не нашла. Хотела молока попить — чашка пуста. Подняла старуха деревянный костыль и стукнула старика по голове:

— Последний кусок проходимцу отдал! Как теперь будем жить?

— Шибко не брани меня, старуха. Жив ли, умер ли наш сын, мы не знаем. Я этого голодного накормил — может быть, и нашего сына люди не оставят.

К полуночи старик уснул.

А старуха, думая о молоке и куруте, заснуть не может. Со злобой взглянула она на голую спину Эскюзека. Увидела родимое пятно. Встала старуха, старика трубкой тычет. Старик проснулся, родимое пятно увидел. Холодное тело его согрелось, потускневшие глаза налились слезами.

— Э-эй, мальчик, юноша! Проснись! Ты огонь наших

глаз. Ты кровь нашей груди. Ты наш единственный сын. Тебе только год был, когда мы подать Караты-хану не смогли уплатить. Нас поймали, связали, далеко увезли. С тех пор о тебе не слышали. Свою смерть мы на девять лет оттянули. Хотели хоть перед смертью тебя увидеть.

Эскюзек поцеловал горячими губами сморщенный рот отца, черные губы матери. Твердыми ладонями погладил их белые волосы.

Старики как сидели — так вечным сном спят.

Из дому Эскюзек вышел дитятей. Из орлиного гнезда юношей улетел. Теперь Эскюзек зубы стиснул, выпрямил плечи. Он возмужал, созрел, человеком стал.

Караты-хан ночью не спит. Днем не спит. Все время на ходу живет. Он ждет вести о гибели Эскюзека, хочет скорее жениться на Алтын-Чач.

— Эй, раб! Ступай в сердцеподобный аил. Посмотри, плачет там или смеется Алтын-Чач. В тот же день обратно вернись, мне правду скажи.

Пятясь, вышел раб из дворца. Быстрее темнобурого иноходца устремился к аилу Эскюзека. В тот же день вернуться ему приказал Караты-хан. Раб спешил. Раб не останавливался. Раб одним глазом взглянуть хотел — и обратно бежать. Но только полглазом увидал он Алтын-Чач и забыл, зачем шел. Рот широко открыл, не мигая на Алтын-Чач смотрит.

Волосы ее золотые, как осенние березы. Ресницы — густая хвоя.

День сидел и ночь сидел раб у раскрытой двери; он не знал, зачем шел. Забыл, куда должен идти.

На второй день земля и небо покачнулись. Черный вихрь ударил; как сухой лист, взлетел вверх аил Эскюзека. Ездящий на темнобуром коне, Караты-хан раба за косу схватил.

— Ты как смеешь смотреть на Алтын-Чач?

Намотал Караты-хан косу раба на свою медную руку и перебросил его через две горы.

С сердцем холодным, как вечный камень, с черным сердцем вернулся домой Эскюзек.

— А, это ты, Эскюзек! Где золотое яйцо?

Ременной плетью ударил Эскюзек Караты-хан.

— Питающийся человеческой кровью Караты-хан! — крикнул Эскюзек. — Хвастаясь силой, не бей слабого. Злым языком молчаливых не оскорбляй. Под худым седлом ходит добрый конь. Под рваной шубой может оказаться богатырь непобедимый.

Схватил тут Эскюзек Караты-хана за соболий ворот и стащил с темнобурого коня.

Караты-хан обеими руками обхватил Эскюзек. Началась великая борьба. Семь лет тягались. По щиколотку уходили их ноги в землю на твердом камне. По колено увязали в рыхлой почве. Ни один не упал. Ни один не коснулся земли рукой. Девять лет боролись. Земля дрожала от их борьбы. Горы прыгали, как сарлыки¹, а холмы, как лани. Озера вышли из берегов. Реки бросались с камня на камень в разные стороны.

Вот Эскюзек уже тронул землю левой рукой и правым коленом тронул.

— Эй, братья волки! Ой, орлы Кан-Кередэ, помогите!

Раскинув крылья над горами и долинами, прилетели орлы. Серые волки, как серые вихри, в семь глотков сожрали темнобурого иноходца, семь раз выплюнули. Орлы Кан-Кередэ железными когтями подцепили Караты-хана, унесли его на дно неба и сбросили оттуда на вечный горный ледник. Собакам куска мяса не осталось от тела Караты-хана. Иголкой раз поддеть не осталось куска от шкуры Караты-хана. Ветер развеял прах его, словно пыль.

Как с тех пор жили Алтын-Чач и Эскюзек, что стало с семьей волками, где теперь птицы Кан-Кередэ, никто нам не мог рассказать.

¹ Сарлык — бык.

Мышь и верблюд

В году двенадцать месяцев, у каждого месяца свое название. А прежде, давным-давно, у каждого года из двенадцати тоже было свое имя: год Зайца, Коня, Коровы, Кабана...

Только не было года Верблюда и не было года Мыши.

— Хочется, чтоб в честь меня назвали хоть какой-нибудь, хоть самый последний год, — сказала мышь.

— И я-а-а! — заорал верблюд. — И я хочу! — Потом он оттопырил нижнюю губу и покосился на мышь: — Кто из нас первый заметит восход солнца, пусть тот и даст имя году.

Мышь согласилась.

Верблюд тут же повернулся мордой к востоку и уставился в небо. Стоит, смотрит, даже мигнуть боится. Долго стоял, потом плюнул и лег.

— Все равно я увижу солнце раньше, чем его увидит мышь. Моя шея куда длиннее, голова выше.

Уж полночь. Мышь около верблюда — как наперсток рядом с котлом.

— Я до утра не доживу, — плачет мышь. — Тут горно-

стаем пахнет. Кошка меня чуть не съела. Сова сидит сторожит. Лиса бегает. Милый верблюд, позвольте влезть к вам на задний горб.

Верблюд оглянулся: горб куда ниже головы.

— Ну, ладно, садись. Только не смей смотреть на восток. Смотри на запад.

Осторожно, чтобы не рассердить верблюда, мышь взобралась к нему на задний горб и повернулась к западу.

Им обоим эта ночь показалась очень длинной. Вот заалел восточный край неба. Верблюд вытянул шею, задрал голову. «Сейчас, — думает, — я первый увижу солнце».

— Ой, солнце, солнце! — пискнула мышь.

— Солнце на западе? — фыркнул верблюд и обернулся.

Как великан без рубахи, стояла западная гора, освещенная первым утренним лучом.

Так один год из двенадцати стал называться годом Мыши.

Не удивляйся, когда тяжело нагруженный верблюд вдруг побежит рысью и запрыгает, будто горный козел: это он увидел мышь и гонится за ней, чтобы убить. Ни один верблюд не может спокойно на мышь смотреть за то, что она первая увидела солнце.

Скупая лягушка

Жила-была лягушка. Вот раз она вышла из своего дома, из круглого озера. И прыг-прыг — пошла гулять. Прыг-прыг — и дорогу домой потеряла.

А тут еще, на беду, попала она на муравьиную тропу. Муравьи десятками взбежали ей на спину. Сотнями вцепились ей в живот.

— Ой, — заплакала лягушка, — ай! Как вам не стыдно заблудившегося кусать, у голодного кровь сосать?!

Муравьям в самом деле стало очень стыдно. Низко поклонились они ей и говорят:

— Уважаемая лягушка! Пожалуйте к нам в гости — пищу нашу кушать, мед пить.

Лягушка согласилась. Что ела, не помнит. Какую беседу за столом вела, сама не поняла. На чем спала, и то не знает. Так много она меду выпила — совсем пьяная была.

Утром проснулась и просит одного муравья:

— Пожалуйста, влезь на эту лиственницу, посмотри, в какой стороне мой дом.

Муравей влез на дерево и говорит:

— Вон там на западе блестит озеро. Хотите, покажу вам короткую дорогу?

— Ах, какой ты добрый! — обрадовалась лягушка. — Пойдем, пойдем. Я тебя за это хорошо угощу.

— Нет, — отвечает муравей, — я один угощаться несогласен. Мы все вас вчера поили-кормили. Сегодня, если хотите, тоже нас всех позовите. Мы народ дружный. Ни работать, ни отдыхать врозь не умеем.

И лягушка позвала всех муравьев к себе в гости. Вот она прыг-прыг — как зеленый камушек, а муравьи за ней ручьем текут.

Все, все, сколько их было в этом муравейнике, и в том, и в третьем, и в десятом, и в тысячном, — все муравьи из леса к лягушке в гости идут.

Пришли к озеру. А лягушка и говорит:

— Вы, муравьи, здесь по стойте, я сейчас пойду распоряжусь насчет угощения, — и бултых в воду.

Муравьи день стоят, два дня стоят — однако лягушки все нет.

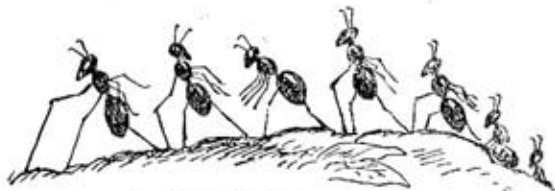
На седьмой день рассердилась муравьиная матка.

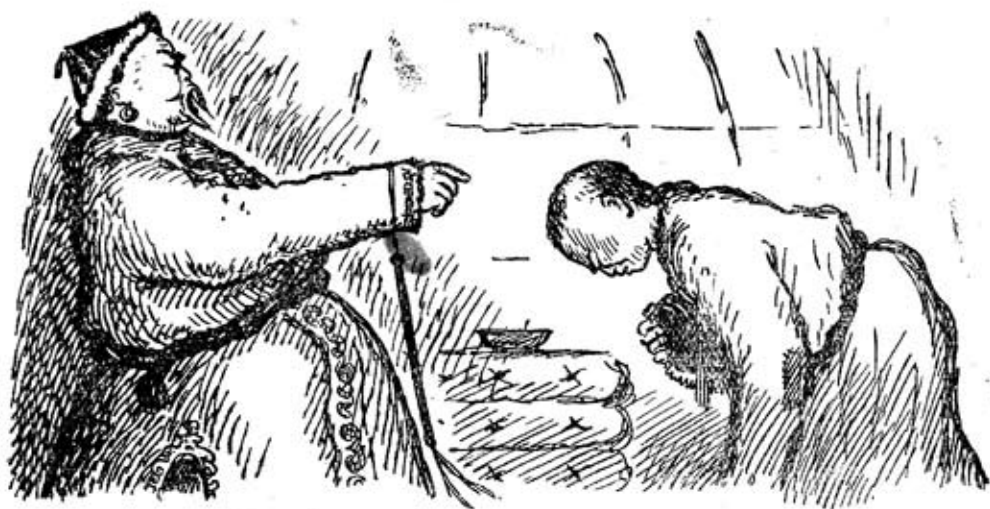
— Ну, — говорит, — лягушкиного угощения ждать — с голоду умрешь!

Подтянула она потуже свой пояс и пошла домой. И все муравьи затянули свои пояса и отправились восвояси.

Так с тех пор и поныне ходят муравьи с брюшком, перетянутым туго-натуго.

Это они с того случая все еще не отъелись.

Хан Сары-Каан

Жил в Алтае хан Сары-Каан. Скота у него — как муравьев. Богатства его, подобно высокому берегу, окаймляли аил. А сам хан Сары-Каан горького от сладкого различить не мог. Черное с бурым путал.

Вот раз хан Сары-Каан посылает своего раба:

— Узнай, кто у моей дочери родился.

Пошел раб, видит — девочка. Испугался он, идет домой и думает: «Как быть? Скажу: сын — хан Сары-Каан поверил бы, да ему люди объяснят, тогда мне за ложь голову долой. Скажу: дочь — за дурную весть все равно шею под топор».

Пришел домой.

— Ну, — кричит хан Сары-Каан, — кто родился? Говори скорее. Пусть мои уши порадуются.

Раб не может рта раскрыть. Подол старой овчинной шубы по коленкам хлопает. Шапка в руках дрожит. Коса на левое ухо свесилась. Зубы стучат, как в большой мороз.

— Де-евочка...

— А я говорю — сын, значит — сын. Где мои палачи?

Прибежали палачи, раба ремнем скрутили. Тут вдруг перепелка прилетела, хану на голову села.

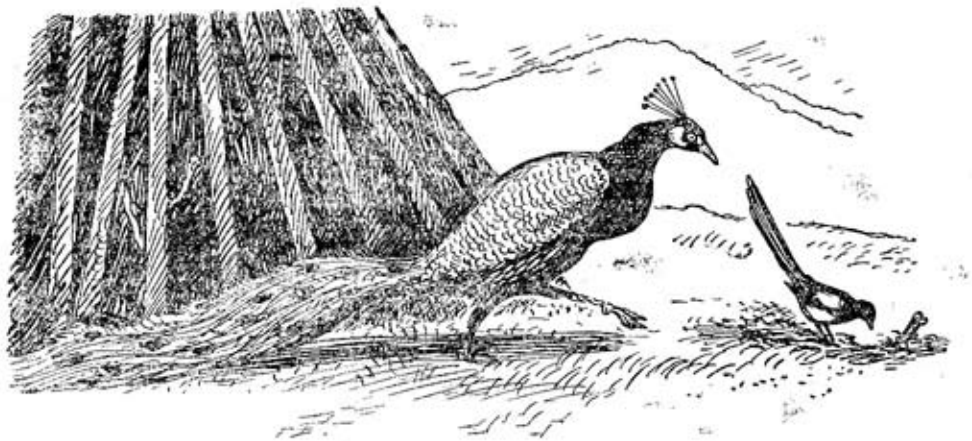
— Эй, раб, — взвыл хан Сары-Каан, — сейчас же перепелку поймай!

Развязали ремни палачи. Раб протянул руку к перепелке.

— Глупый ты, глупый! — засмеялся хан Сары-Каан. — Кто же птицу руками ловит? Возьми железную кувалду и ударь.

Хан Сары-Каан строго приказал. Раб не смеет слушаться. Кряхтя, обеими руками кувалду поднял. Размахнулся. Перепелка свистнула и улетела, а железная кувалда всей своей тяжестью опустилась на голую башку хана Сары-Каана.

Про сороку

Выбрали птицы павлина в зайсаны. Павлин широко раскрыл сияющий хвост. На шапке золотые кисти. Настоящий зайсан! Стали птицы ему жену искать. От куропатки, от кедровки, от синицы, ото всех отказался павлин: синица мала, куропатка плохо летает, кедровка худа, кукушка печально кукует...

Понравилась ему только сорока — она веселая.

После свадьбы павлин выщипал из своей груди темно-зеленые перья и положил их сороке на спину и на хвост. Заважничала сорока. Ничего не делает. Сидит — перебирает новые перья. Летит — новыми перьями блещет. Утром чуть свет выскочит из гнезда, и нет ее до ночи.

— Куда ты спешишь, сорока? — спрашивает ее павлин.

— Куда хочу.

— Где ты была, сорока?

— Где хотела.

Рассердился павлин. Еще затемно, пока сорока спала, он тихо слетел с гнезда и спрятался за кустом акации. Утром сорока распахнула свою крытую черным шелком шубу и полетела, сверкая белой оторочкой.

Павлин — за ней. Они прилетели к жилью человека. Сорока тут же спустилась на помойку и стала клевать отбросы.

— Как тебе не стыдно?! — крикнул павлин. — Сейчас же лети домой!

А сорока даже не оборачивается: клюет да клюет.

Подлетел к ней павлин, стукнул ее клювом по голове.

— Больше, — говорит, — ты мне не жена!

С тех пор, роясь в отбросах, сорока все головой вертит и детей своих учит:

— Один раз клюнь, а пять раз оглянись — не то павлин прилетит, по голове стукнет.

Крепко помнят это сорочьи дети. Клонут раз — и обернутся. Клонут — и вокруг поглядят.

Дядя медведь

На холмистом Алтае жил когда-то в белом дворце Ер-Бөкө-Каан. Глаза у него запухли, будто веки пчела ужалила. Лицо серое, как лошадиная селезенка. Когда Ер-Бөкө-Каан стоял, он всегда одной рукой усы гладил, другой в бок упирался. Зимой Ер-Бөкө-Каана мороз не ущипнет. Летом дождь на него не капнет. Бока его на мягком мехе нежатся. Губы лоснятся от жирной еды.

Вот раз вызвал Ер-Бөкө-Каан самых славных богатырей и говорит:

— У истока семи рек, где семь гор из одного подола поднялись, на глубине семидесяти сажен есть каменная пещера. В той пещере живет большой медведь: он спереди желтый, а сзади черный. Этот медведь над медведями хан. Изловите его, пригоните к моему дворцу. Пусть хан-медведь сидит у меня на цепи, как собака. Я один хочу ханом быть.

Вздروгнули могучие богатыри. Их бронзовые доспехи зазвенели, как листья в осиновом бору. Пятясь, вышли из белого дворца.

Много месяцев бродили они по горам, скитались в лесах — медведя не нашли. Повернули коней, едут обратно. Впереди них малые дети без шапок идут, за ними старики в длинных шубах. Пришли ко дворцу, как один на землю пали:

— Великий хан, зайсана-медведя никак не поймать!

В гнев е-р-бөкө-Каан, подобно небу, загремел. Как железо, засверкал. Распахнул золотую дверь, ногу на порог занес и споткнулся. Ему под ноги попал мальчик-раб, по прозвищу Чичкан-мышь. Две любимые жены подхватили е-р-бөкө-Каана под обе руки. Два свирепых палача схватили Чичкана за ноги.

— Всесильный хан! — крикнул мальчик. — Убить меня всегда успеете. Позвольте сначала — приведу вам большого медведя.

е-р-бөкө-Каан посмотрел в темнокарие глаза Чичкана. Ростом сирота Чичкан был невелик. Однако плечи широкие. Ноги будто из бронзы.

— Обманешь меня, мышонок, — в котел тебя кину. Твою кровь выщежу, твоё мясо искрошу, твои коси растолку.

Где стоял Чичкан, там уж нет его. Он ушел к семи горам, к истоку семи рек, к той пещере, что лежит на глубине семидесяти сажен.

Назад пути у него не было. В сторону Чичкан боялся посмотреть.

От голода упал он на камни и видит: висят на скале, будто слезы, прозрачные капли росы.

Чичкан открыл рот. Две росинки упали ему на язык. И сразу два голоса услышал Чичкан:

— Карр! Карр! Что ты тут делаешь, брат мой?

— Крр! Крра! Я человека сторожé. Смерти его жду. Хочу глаза его выклевать.

— Карр! Зачем время терять? Лети-ка лучше на болото — там жеребенок увяз. Лошадь умрет раньше человека.

— Крры, крры! Этот человек почти мертвый.

Один ворон улетел, другой остался.

«Кто научил меня птиц понимать?» удивляется Чичкан.

Смерть была от него совсем близко, а теперь он уже голову поднимает, на ноги встает.

— Ах, карр! — вздохнул ворон. — Прав был мой брат. Этот человек не скоро умрет.

От огорчения лопнуло сердце у ворона, и он упал мертвый к ногам Чичкана.

Чичкан поднялся на гору и увидел: черным дымом бушует лесной пожар.

— Бл, бл, бл, горрю! — кричал маленький медвежонок.

Чичкан подхватил медвежонка на руки и вынес его из огня.

— Хм-кха... — всхлипнул малыш. — Ты меня от смерти спас, я теперь тебя всегда уважать буду.

И медвежонок вперевалку побежал домой.

Чичкан пошел дальше.

— И го-горе! И го-оре! — кричал увязший в болоте жеребенок.

Чичкан схватил его за гриву и вытянул из трясины.

— Карр! — застонало где-то в небе. — Карр, эта лошадь не скоро умрет.

Чичкан положил на шею жеребенку свою теплую ладонь, и они пошли вдвоем к истоку семи рек, к семи горам. Вдруг из-за гор вышли со страшными песнями мохнатые, как тучи, медведи. Дрогнув, захрапел жеребенок, но Чичкан железными пальцами крепко держал его за холку.

— Не бойся, друг. Видишь, у каждого медведя в лапе поднос с едой, ташаур с аракой.

Впереди всех медленно шагал большой зверь. Его лапы толще колодника. Голова — как обгорелый пень. На его спину десять медведей могли бы лечь. Шерсть у великана спереди, как день, желтая, сзади — черная, как ночь. Все медведи шли на задних лапах, а этот шагал на всех четырех. Он подошел к Чичкану совсем близко, согнул правую переднюю лапу, потом тихо поднял свою большую голову и ласково сказал:

— Ты для меня — как утреннее солнце, как вечерняя луна. Ты из огня моего сына спас. Ешь и пей, что нравится. Проси и требуй, чего хочешь.

— Я еще не достигший мужского возраста мальчик, — ответил Чичкан, — араку пить не смею. Принять подарка не могу. Меня к вам послал Ер-Бёкё-Каан. Он один на

земле хочет ханом быть. Вас приказал он пригнать ко дворцу и на цепь посадить, как собаку.

У медведей на густых ресницах повисли длинные слезы.

— Не дадим! Пойдем войной на Ер-Бөккө-Каана!

Большой медведь высоко поднял переднюю лапу. Все медведи, как один, замолкли. Большой медведь опустил свою лапу на плечо Чичкана:

— Я хочу исполнить просьбу мальчика.

Ничего не сказали медведи. Выпили с горя всю араку, съели все угощенье и, пьяные, разбрелись по лесу.

Большой медведь двинулся ко дворцу. За ним трусит гнедой жеребенок. За жеребенком плетется Чичкан. Много рек перебрали. Много гор перевалили. Чичкан все чаще спотыкается, все дальше отстает.

— Сядь ко мне на спину, малыш, — сказал медведь.

Мальчик взобрался по лапе медведя, как по стволу дерева, лег ему на спину в мягкую шерсть.

Медведь бежал быстрее воды. Легче ветра мчался жеребенок.

— Ох, как меня комары заели! — простонал большой медведь.

Чичкан сломил березовый прут и, отгоняя комаров, стал хлопать зверя по морде и по голове. Так прибыли к пастбищам хана Ер-Бөккө-Каана.

— Ммаш, ммаш! — рывкнул медведь.

Скот с диким ревом убежал в горы. Люди попрятались в айлы. Ременными арканами прикрутили двери к железным скобам.

Свирепые псы, дрожа и скуля, заползли под колодник.

Сердце у Ер-Бөккө-Каана чуть не треснуло. Вспотел он от страха.

— Ммаш! Ммаш!

Ер-Бөккө-Каан кинулся под кровать, его жены влезли в сундуки.

— Эй, большой хан! — запел мышонок. — Ваш приказ исполнен.

— Ммааш, маш, маш! — подхватил медведь.

Ер-Бөккө-Каан выполз из-под кровати, семь раз вокруг костра обежал, не знает, как спастись.

— Маа-маш! — рычит медведь.

— Ой, Чичкан, зачем ты привел сумасшедшего зверя? Мне бешеный медведь совсем не нужен, уведи его скорей!

Чичкан поднял нос повыше и говорит:

— Сначала велят медведя ко дворцу тащить, теперь приказывают в пещеру гнать.

— Милый, верный сынок мой Чичкан, я тебе полцарства дам — только уведи!

Чичкан слез с медведя.

— До свиданья, друг мой, — сказал спереди желтый, сзади черный хан-медведь.

И пошел он к истоку семи рек, к семи горам, в свою глубокую пещеру.

А Чичкана Ер-Бөкө-Каан во дворец позвал. Сам Ер-Бөкө-Каан боялся за дверь выйти. В открытом поле говорить с Чичканом не посмел.

А у мальчика колени трясутся, зубы трещат, словно конопля в раскаленном чугуне. Взгляда не смеет от земли поднять.

— Не бойся, сынок, — сладким голосом просит Ер-Бөкө-Каан, — я твою долю из моего хозяйства выделить хочу. Что дать тебе, дитя, не знаю.

Во дворце на полу жарко трещал большой костер. Против костра лежала овца. Она терла шершавым языком только что родившегося ягненка. Нагнулся Чичкан, ягненка ладонями поднял, в глаза поцеловал.

Обрадовался Ер-Бөкө-Каан.

— Помни, Чичкан: сам ты этого ягненка выбрал. Больше у меня ничего не проси, иди куда хочешь.

До земли поклонился Чичкан. Зацепил волосняным арканом своего ягненка, надел узду гнедому и пошел искать себе новое стойбище.

Семь дней все трое шли ровно, на восьмой ягненок высунул розовый язык. Живот часто-часто бьется. Глаза помутнели.

— Не можешь итти? — усмехнулся Чичкан и обхватил ягненка левой рукой. Потом и правой обнял, но маленького ягненка поднять невозможно. Его копыта до бабок в землю вошли. Чичкан обвязал ягненка ремнем, сам в этот

ремень впрягся и гнедого впряг. Рванулись они вперед: аркан лопнул, гнедой перекувыркнулся. Чичкан упал, а ягненок стоит.

— Ме-е! — смеется он. — Стыд какой! Ме-е! Один скоро мужчиной будет, другой уже конем стал, а ягненка вдвоем не могут поднять.

От стыда Чичкан бросил шапку наземь, сам лицом в шапку упал. Сколько ночей, сколько дней спал, не помнит. Когда проснулся, сам себя не узнал. Вместо кожаного тулупа с девяноста девятью заплатами на нем красная шелковая шуба. Вместо дырявых чоботов — красные монгольские сапоги. Под головой у Чичкана черный бобровый мех. Одеяло из красных лисьих шкур. Постель покрыта шкурой волка. Белая, как сахар, кошма натянута на белые березовые колья.

Чичкан вышел из своего аила: против двери золотая коновязь. У коновязи гнедой конь. Сбруя шита жемчугом. Седло отделано бронзой. Направо посмотрел Чичкан — долина будто снегом заметена: столько там белых овец. Налево взглянул — красные табуны на холмах стоят.

Чичкан по-богатырски закричал, по-орлиному заклекотал. Приложил к губам железный комус¹, густую песню через все долины протянул. Двухструнный топшуур¹ взял, и легкая песня по лесам разлилась. Эту песню услышали пастухи Ер-Бөккө-Каана, подъехали поближе, увидели неисчислимые стада и сейчас же доложили об этом хану.

Ер-Бөккө-Каан, как река, забурлил, как лед, затрещал. Сел на каурого коня, поднялся на вершину горы и горько-ядовито крикнул:

— У коровы длинный хвост, только шерсть на нем короткая. Богатый человек в эту долину скачовал, да не жить ему здесь. Перед завтрашним солнцем мой отцовский лук покажет свою меткость. Матерью рожденные руки свою силу попробуют.

Заплакал сирота Чичкан: он никогда не держал в руках лука, воевать нигде не учился.

¹ Комус и топшуур — музыкальные инструменты.

Эхо его плача еще не утихло, а большой медведь уже здесь.

— Не горюй, сирота! Возьми свой стальной нож. Из гибких ветвей натяни тугие луки, стрелы из орешника режь. Стволы пихт годятся на копьа.

Как медведь голову повернул, видел Чичкан, а куда ушел медведь, Чичкан не заметил. Он сел под круглый кедр и стал строгать пики, луки, стрелы. У него каждая ветка в дело шла: были копьа — как столбы, и пики — всего с большой палец; луки — как сопки, и луки — с ладонь.

Утром пришел большой медведь. За медведем — маленькие сурки в желтых дохах. За сурками шли барсуки в шубах из серого меха. За барсуками — росомахи; эти надели что похуже, потому что не знали, куда попадут. За росомахами двигались в бурых тулупах большие медведи.

Самые мелкие пики и луки пришлись впору суркам, оружие покрупней расхватали барсуки. Росомахи долго спорили, кому что брать, потом все разом вцепились в луки. Тяжелые копьа медведи легко подняли.

— Ложись! — приказал хан-медведь.

Впереди всех залегли сурки. За сурками повалились барсуки. За барсуками — росомахи. За росомахами — медведи. На одном конце войска черно-желтый зайсан-медведь стоит. С другого — Чичкан-мышонок верхом на темногнедом коне встал.

В далеком краю неба показалась полоса зари. Из серой долины двинулся к черной горе Ер-Бөкө-Каан со всем своим войском. Большой медведь дал ему совсем близко подойти да как рывкнет:

— Э-э мааш! Ончогор тураар!

Все звери, как один, встали. Все, как один, подняли пики. Ер-Бөкө-Каан едва успел коня осадить: перед ним пики — как частый лес. Глаза зверей синим пламенем горят. Дыхание расстилается, словно густой туман.

— Э-э мааш, кондутеер! — приказал медведь.

Вскрикнули сурки. Захрюкали барсуки. Росомахи фыркнули. Медведи, как гром, рычат.

— Ойто кайрааа! — взвизнул Ер-Бөкө-Каан. — Назад, назад!

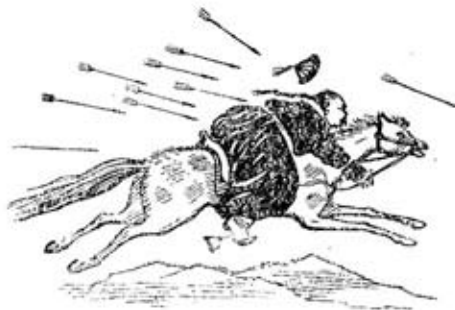
И, не помня себя, он первый повернул повод коня. За ним побежали богатыри, силачи и герои.

Реки выходили из берегов, когда это войско бродом шло. Камни в горах рассыпались, как зола. Все цветы в долинах увяли. Ер-Бөкө-Каан сам не заметил, как своими пятками белый дворец, все добро свое в пыль столोक.

Вот как быстро бежал Ер-Бөкө-Каан от сурков и от барсуков! Бег его ни скалы, ни моря остановить не могли.

К какому краю земли отступил Ер-Бөкө-Каан, никто не знает. Пришел ли ум к нему обратно, этого тоже нам не могли сказать. Даже имя Ер-Бөкө-Каана на Алтае давно позабыто.

Зато хорошо помнят люди, как большой медведь помог сироте Чичкану. В память той дружбы алтайцы считают медведя старшим братом человека. Никогда его имени просто не назовут, а всегда с уважением медведя Абаай — дядей — зовут.

Летучая мышь

Теперь летучая мышь только ночами летает. А было время — она летала и днем.

Летит она как-то, а навстречу — ястреб.

— Однако, — говорит, — почтенная, я тебя три года ищу.

— Зачем же вы меня ищете?

— Все птицы свою дань давно уплатили, ты одна в долгу.

— Я? — удивилась летучая мышь. — Да разве я птица?

Спустилась в траву и побежала.

«В самом деле, — подумал ястреб, — это зверь».

Прибежала летучая мышь к холмам, где частые сосны растут, а навстречу ей серебряная лиса.

— Добрый день, уважаемая! Я тебя седьмой год ищу.

— Зачем же вы меня ищете?

— Все звери мне подать уплатили, только с тебя еще причитается.

— С меня? — удивилась летучая мышь. — Да разве я зверь?

Расправила крылья и улетела.

«В самом деле, — подумала лиса, — это птица».

С того времени, боясь лисы, летучая мышь бегать совсем перестала: от страха у нее ноги отсохли. И летать днем она тоже не смеет — ястреба опасается.

Жадный глухарь

Поздней осенью прилетели птицы на опушку леса. Пора им в теплые края. Семь суток собирались, друг с другом перекликались:

— Все ли тут? Тут ли все? Все иль нет?

Оказывается, глухаря нехватает. Стукнул беркут своим горбатым носом по сухой ветке, стукнул еще раз и приказал молодой тетерке позвать глухаря. Свистя крыльями, прилетела тетерка в чащу леса. Видит — глухарь на кедре сидит, орехи из шишек лущит.

— Уважаемый глухарь! Мы все хотим в теплые края. Вас одного уже семь суток ждем.

— Ну-ну, не болтайте зря! В теплую землю лететь не к спеху. Сколько еще здесь орехов осталось! Неужели все это надо бросить?

Тетерка вернулась на опушку леса.

— Глухарь, — говорит она, — орехи ест, улетать не торопится.

Послал тогда беркут быстрого ястреба. Закружил яст-

реб над большим кедром. А глухарь все сидит, клювом скрипит, орехи из шишек выбирает.

— Ой, глухарь, тебя птицы четырнадцать суток ждут! Пора в теплые края лететь.

— Нечего, нечего торопиться, — проскрипел глухарь. — Успеем. Перед дорогой надо покушать.

Рассердился беркут и впереди всех птиц полетел в теплые земли.

А глухарь еще семь дней орехи выбирал. На восьмой вздохнул он, клюв о перья почистил.

«Нет, видно, нехватит у меня сил все это съесть. Придется белкам оставить».

И он полетел на опушку леса.

Что такое?

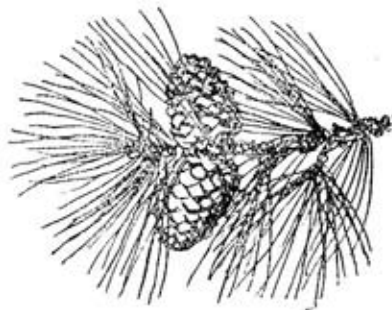
У кедров хвоя осыпалась. Ветки голыми прутьями машут. Это птицы две недели глухаря ждали, всю хвою склевали. Подножья деревьев белые, как снегом заметенные, стоят. Это птицы, глухаря поджидая, перья свои чистили.

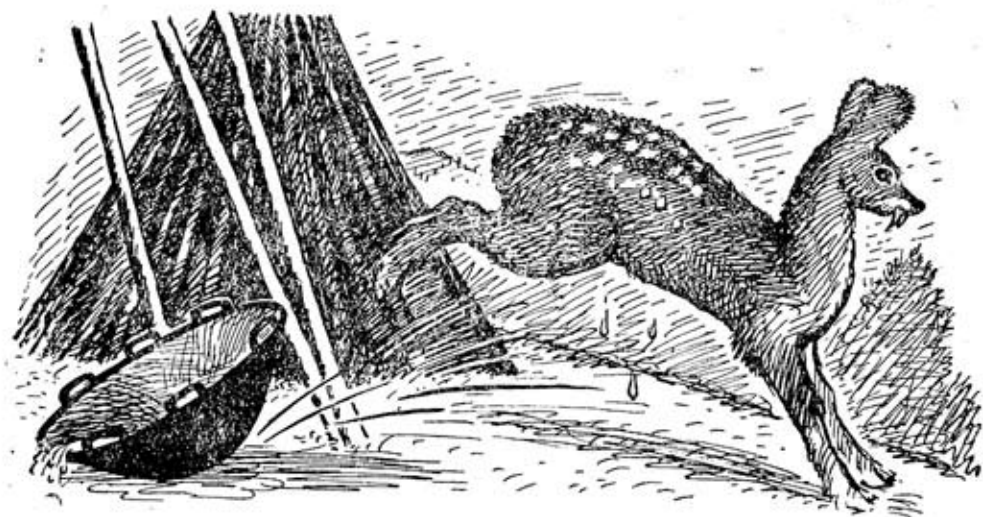
Горько заплакал, заскрипел глухарь:

— Из всех птиц только я в лесу остался! Как же я буду один зимовать?

От слез покраснели у глухаря брови.

С тех пор все дети его, и внуки, и племянники, эту историю слушая, горько плачут. И у всех детей глухаря, и у внуков, и у племянников брови, как рябина, красные.

Кабарга-лакомка

У опушки черного леса, на берегу быстрой реки, возле богатых лиственниц жили дед и бабушка. Они под старость, точно зайцы к зиме, совсем побелели.

Никого, ничего у них не было, только синяя корова. Старик ночами сказки сказывал, песни свистал. Старуха шкуры звериные разминала, слушала. И так эти сказки гладко текли, что из полусонного черного леса, с высоких камней чуткая кабарга прибежала слушать. Свет костра белел на ее длинных клыках. Всю ночь слушала.

Но вот раз и днем кабарга не утерпела. Осторожно, тонкими ногами перебирая, спустилась к шалашу. У шалаша стоял полный казан молока. Кабарга опустила морду в казан, половину молока выпила.

Вернулась старуха домой.

— Шестьдесят лет под этим шалашом живем — воров не было. Кто молоко выпил?

От стыда убежала кабарга на горные уступы, поднялась на ускользящие от глаз скалы. Здесь крылатой птице негде сесть. Сюда когтистым зверям не вскарабкаться.

А утром кабарга, соскучившись по молоку, пришла легким шагом к шалашу. Опять молоко выпила и унеслась.

Рассердились старики, воткнули в землю три высоких кола и подняли тяжелый казан. Наутро прибежала кабарга, губами пожевала.

— Бшшш... — головой повела. — Пшш! Меня испугались — молоко повыше подняли.

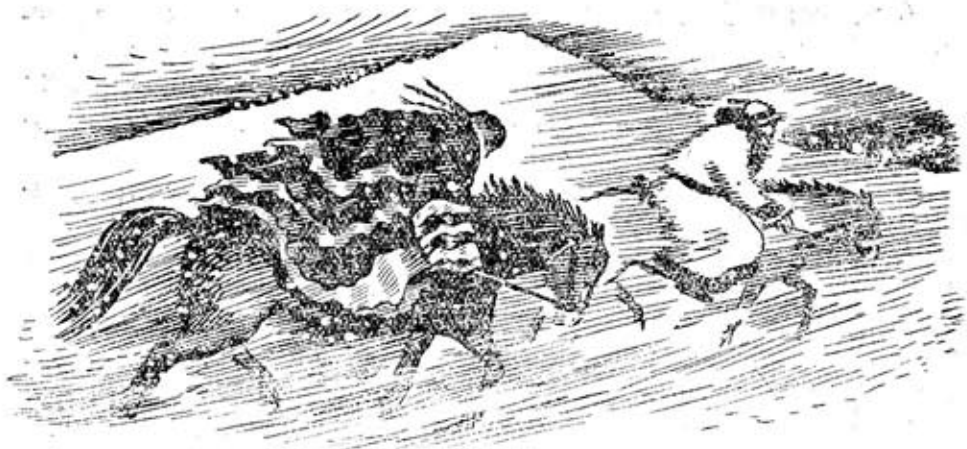
Стукнула передними копытами — казан качнулся и выплеснул молоко кабарге на спину.

Покрылась серая спина молочными пятнами. Сколько по земле каталась кабарга, сколько о камни терлась, белые пятна стереть нельзя.

Стыдясь этой отметины, кабарга теперь к серым камням жметя, в непроходимой чаще леса прячется. Чтоб пугливую кабаргу настичь, должен охотник сказку спеть, песню засвистать. Не вытерпит чуткая кабарга, выйдет, поставит уши и слушает.

Вот тут-то и стреляют ее.

Мактанчик-таш

Была девушка Кыпту-Торко. На ней семь шелковых халатов: желтый до земли, голубой до пят, розовый по щиколотки, а еще белый, лиловый, зеленый, красный. Короче. Короче. Короче.

Она зимой шубу не носит — скажут: неуклюжая.

Она в сапогах не ходит — скажут: косолапая.

Она замуж не идет: никто ей не нравится.

Прошел год. Прошло два. Идет зима, приходит лето.

Семь лет, как семь дней, ушло.

Старый сыр лучше молодого, старое седло удобней нового.

А старая злюка никому не нужна.

Заплакала Кыпту-Торко — стала доброй, стала ласковой.

Пришла к дураку Тенеку:

— Тенек-Киж, женись на мне!

Согласился дурак.

Обрадовался отец. Зарезал тысячу овец.

Едут на свадьбу нарядные гости: шапки из собольих

лапок, шубы крыты черным шелком, воротники из бобровых шкур.

Только отец Тенека сидит в драной овчине.

Обиделась Кыпту-Торко.

— Эй, — говорит, — свекор, не замерз ли ты в своей худой шубе?

— Ха, — отвечает свекор, — мне в одной худой шубе теплее, чем тебе в семи шелковых халатах.

Засмеялась Кыпту-Торко:

— Один шелковый халат стóит сорок баранов. За семь шелковых халатов отец двести восемьдесят баранов дал. А твоей шубе овечий хвост цена.

— Все-таки шуба теплей.

Рассердилась Кыпту-Торко. Поднялась с земли. Руки раскинула. Желтый рукав до колен, голубой до пальцев, розовый до кисти. А еще белый, лиловый, зеленый, красный. Вот как тепло!

— Ладно, — сказал свекор. — Сядем на коней, поедем к вечно белой горе Белухе. Кто первый коня хлестнет, тому холодней. Чей конь тише пойдет, тому теплей.

Согласилась Кыпту-Торко. Сели на коней. Едут по берегу Катуня к горе Белухе. А с горы ветер им навстречу дует. С ледяной горы ледяной ветер. Свекор свою овчину запахнул.

— Сколько за шубу дашь, уважаемая?

— Овечий хвост.

Едут дальше. Кричит ветер, снег мокрыми хлопьями плачет. Свекор руки за пазуху сунул.

— Сколько дашь за шубу, почтенная?

— Овечий хвост.

Приехали к Белухе. Повернули обратно. Свекор поводья бросил. А Кыпту-Торко еще тише едет. На целую лошадь сзади. Ветер, ах! Ой, дует! В кровь треснули губы. Свекор спрятал бороду в ворот.

— Сколько за шубу дашь?

Молчит Кыпту-Торко.

Подъехали кони к дому. Вышла мать навстречу.

— Где Кыпту-Торко?

Оглянулся свекор, а Кыпту-Торко нет.

Поехали гости по следу, увидели на каменной россыпи Кыпту-Торко. Лежит она в семи шелковых халатах холодным камнем.

Назвали люди этот камень Мактанчик-таш — Хвастливый.

Ну вот! Стоило мучиться, чтоб стать камнем! Ай-яй-яй, всего только камнем, только камнем Мактанчик!

Алып-Манаиш

Вместе с небом и землей был сотворен Байбарак — богатырь, едущий на пятнистом, как барс, коне.

Луна и звезды засияли, когда родилась Ермен-Чечен. Она быстрее травы, — как камыш, росла. Словно мальчик, диких коней объезжала Ермен-Чечен.

Рядом с ней один раз богатырь Байбарак, как медведь, встал; пал на правое колено и, крепко ухватив ее руку, сказал сквозь стиснутые зубы:

— Отныне мы вовек неразлучны.

— Всегда вместе будем, — ответила Ермен-Чечен.

Крепко, злобно ударил своего серого, как железо, коня старик-отец, но молодых он догнать не мог.

Через год пришел богатырь Байбарак на старое стойбище. Сбросил с плеч мертвого барса.

— Если хочешь, старик, убей меня, как я барса убил. Твою дочь Ермен-Чечен я украл.

Разгневался отец:

— За это целый год пусть проспит твой сын Алып-Манаиш, когда станет мужчиной!

Возмужал Алып-Манаиш. Он никогда своего деда не ви-

дал, угрозу его не слышал. Старик Байбарак-отец и Ермен-Чечен-мать нашли сыну добрую жену. Когда Алып-Манаш год спать будет, чтоб от него не ушла. Когда Алып-Манаш будет год спать, чтобы она не убила его. Взяли они в дом девицу Чистую Жемчужину — Кумужек-Ару.

Однако Алып-Манаш не захотел свою жену полюбить.

— Чем нехороша Чистая Жемчужина? — спрашивают родители. — Почему не нравится тебе Кумужек-Ару?

Ничего не ответил Алып-Манаш. Он повернул светлое лицо к Чистой Жемчужине и говорит:

— Мы с тобой вместе еще дня не пробыли, но считай, будто женаты. Старую тебя не брошу. Плохо о тебе не подумаю. Живи, как нравится. Укорять не стану. Хочешь — жди меня, не захочешь ждать — твоя воля.

И Алып-Манаш дернул повод коня.

Кумужек-Ару давно приготовленных слов сказать не успела.

Алып-Манаш поехал туда, где небо с землей сливается, где живет дочь Ак-Каана — девица Ерке-Карачкы.

Алып-Манаш-богатырь ночами не спал, днем не дневал. Сколько рек перебродил — сосчитать нельзя. Какие горы перевалил — невозможно упомнить. Белый конь вытянулся, как сыромятный ремень. Кружась, мелькали месяцы. Годы, как змеи, ползли. Подъехал Алып-Манаш к бурной реке, вверх и вниз прошел он по берегу. Тихого брода нет. На берегу лежит вверх дном берестяная лодка шириной в две сажени, длиной лодка в девяносто сажен. Алып-Манаш спешился, перевернул лодку и увидел под ней белого, как лебедь, старика.

— Е-ей, балам — дитя мое Алып-Манаш! Красивые глаза, умную голову ты дома оставил. Чего тебе там не хватало? Что поехал искать?

Алып-Манаш не стал спорить. Он пожал своей твердой рукой сморщенную руку старика, поцеловал свежими губами его дряблый рот.

— Дедушка, переправьте меня!

Старик в ответ слов не нашел. Молча столкнул лодку, сел на нос. Алып-Манаш, не выпуская повод, прыгнул на корму. Фыркает конь, удила грызет, не хочет плыть. Но

крепко держит повод Алып-Манаш. Так выехали на середину реки.

— О чем плачете? — спросил старика Алып-Манаш.

— Мне тебя, балам-дитя, жаль. Сколько богатырей я на тот берег переправил! Обратного ни один не пришел.

Алып-Манаш вынул из белой, как луна, сумки девятигранную стрелу:

— Жив я или мертв, по этой стреле узнаете.

Бело-серый конь на берег вышел, встряхнулся. Алып-Манаш заседлал коня, прыгнул в седло и закричал, как сто богатырей кричат. Конь топнул, как сто громов гремят. Слеза, повисшая на реснице, не успела упасть — Алып-Манаша уже не видно.

Конь переступал по долине, и черные озера заполняли след его копыт. Низкие горки мягко отбрасывал конь. Высоким горам на грудь наступая, легко бежал. Едва Алып-Манаш восход солнца увидит, конь уже к закату домчал его. Вот уже виден дым со стойбищ Ак-Каана. На четыре копыта разом встал конь. С места нейдет, будто ноги пустили в землю цепкие корни.

— Ей-ей! — крикнул Алып-Манаш.

— Алып-Манаш, поверни повод, — сказал конь. — Много к стойбищу следов идет, обратного следа не вижу.

— Ты снаружи подстилка, внутри — потроха, — отвечает Алып-Манаш. — Умереть ли мне суждено, жив ли останусь — тебя не спрошу.

В гневе Алып-Манаш был всегда свиреп. Он поводом рот коня до ушей разорвал. Он нагайкой круп коня до кости рассек. Как вихрь, взвился бело-серый конь. Он в гору, под гору, как птица, летел; по долине, как вода, бежал. От слез бело-серый конь дорогу не видел. Алып-Манаш сам не помнит, как отстегнул подпругу. Он кичимом долину постелил, положил под голову седло и уснул. Бело-серый конь обернулся белой звездой и поднялся на небо.

Пастухи Ак-Каана погнали табун коней на высокую гору. С высокой горы они увидели в долине две большие сопки. Посреди сопок круглый холм лежит. От холма вихрь-бура идет. Вихрь-ветер рвет столетние деревья, го-

нит воду рек в обратную сторону. Пастухи чуть живы прискакали к своему хану.

— Посреди сопок, — говорят, — круглый холм встал. От холма, — говорят, — вихрь-буря идет.

— Лжете вы, лентяи, бездельники! — заорал Ак-Каан.

Поднял меч, одним взмахом три головы отсек. Даже людоед Дельбеген сжалился над четвертым пастухом.

— Позвольте, — говорит, — великий хан, я сам посмотрю, что случилось.

Ак-Каан поднятый меч не смог удержать. Меч сам собой на шею четвертому пал.

Темножелтый Дельбеген-богатырь заседлал своего синего быка.

Еще издали почуяв недоброе, бык заупрямился. Грудь у синего быка покрылась мохнатой пеной. Что дальше было, не помнит темножелтый Дельбеген. Вместе со столетними дубами и вечными скалами страшный вихрь затянул людоеда в темную пещеру. У семиголового Дельбегена все четырнадцать глаз на лоб вылезли.

Синий бык, высунув язык, стремглав вылетел из пещеры. За быком полетели деревья, камни и скалы. На ледяную высоту, на вершину всех вершин взбежал бык, — только тут посмел обернуться Дельбеген-богатырь.

Он увидел: в большой долине спокойно спит Алып-Манаш. Его голова, словно холм между двух сопок, поперек седла лежит. Выдохнет Алып-Манаш — деревья и горы в ноздрю ему летят. Выдохнет — горы и деревья обратно стремятся. Алып-Манаш спокойно, ровно дышал, и вода в реках поднималась и опускалась от его дыхания, как опускается и поднимается море в прилив и отлив.

Без памяти побежал Дельбеген к Ак-Каану:

— Человек, сказать, — не человек. Гора, сказать, — не гора. Чудовище страшное в долине спит.

Звонко, пронзительно свистнул Ак-Каан. Все свое войско собрал. Созвал далеких и близких богатырей. Сам, свирепо крича, поехал впереди всех. С вершины черной горы хорошо виден Алып-Манаш. Покрыв потником долину, он спит, раскинув руки, как дитя. Всем четырем ветрам открыта голая грудь. Меткие воины сощурили глаз и при-

целились Алып-Манашу под левый сосок. Будто ударившись о вечный лед, стрелы скользнули вниз. Будто о камень стукнулись, погнулись медные наконечники. Еще ближе подъехали воины, с разбегу бросили тяжелые пики. Как пчелы, зазвенели острия пик и рассыпались, словно стекло.

Алып-Манаш прошептал во сне имя Ерке-Карачкы. От гнева солнца не взвидел Ак-Каан. Из кожаных ножен он выхватил остро отточенный меч и рубанул Алып-Манаша по губе. Девять дней рубили богатыри твердое тело. Девять тысяч мечей в куски раскололись. На теле Алып-Манаша даже розовой царапины нет. Ак-Каан приказал воинам спешиться. Вместо лука они мотыги в руки взяли. Выкопали яму в девяносто сажен и столкнули в нее Алып-Манаша. Ак-Каан хотел взять с собой оружие богатыря. Пикку сдвинуть ни один воин не смог. Сабли поднять — силача не нашлось.

Девять месяцев спал Алып-Манаш. Открыл глаза — неба не видно. Девятью тяжелыми цепями скручены руки. Девяносто цепей висит от колен до щиколоток. Тяжесть цепей легла на сердце. Алып-Манаш первый раз в жизни запел. Отца и мать вспомнил. Помянул сестру Ерке-Коо, пожалел одинокую Кумужек-Ару. Не забыл Алып-Манаш в своей песне и бело-серого коня.

Но никто не пришел помочь.

Лето отцвело. Миновала осень. Зима растаяла. К весне на большом Алтае, на цветущем широком Алтае не осталось ни зверя, ни птицы. Толпясь, как у водопоя, они стояли у ямы, с жадностью слушая песню.

По дну неба летели серые гуси. Всю дорогу они громко плакали об Алып-Манаше. Сложив крылья, один гусь упал на грудь богатыря. От радости Алып-Манаш глубоко вздохнул. Лопнули девять цепей. Алып-Манаш нежными руками тронул теплого гуся. Погладил широкие крылья и запел:

Гусь ты, славный мой гусь,
Верный мой ты друг!
Ты в воде не тони,
Ты по воздуху пльви.
На твоём крыле я пишу письмо.

Отнеси его Байбараку-отцу,
Про печаль мою Расскажи
Доброй матери Ермен-Чечен.
Ерке-Коо-сестре поклонись, милый гусь,
Передай привет Кумужек-Ару.
Жарче солнца привет
Передай ей — Жемчужине.
Скажи всем друзьям, что Алып-Манаш
В черной яме лежит,
Он живой в земле похоронен.
Верный гусь, ты воздушный мой конь,
Иноходец ты мой водяной!
Полети, поплыви, распростерши крыло,
Дай письмо мое всем прочитать.

Белый гусь вылетел из ямы и поплыл, как облако, к водопою Байбарака.

А над водой в ту ночь стояла тоненькая Ерке-Коо и, смеясь, ловила ладонями в воде отражение луны. Вдруг луна погасла. Ерке-Коо глянула вверх и увидела гуся. Он висел над ее головой, распростерши белые крылья.

Быстрая Ерке-Коо поймала птицу и принесла домой. При свете костра отец и мать прочитали горькую грамоту. Как помочь Алып-Манашу, они не знали.

Чистая Жемчужина, нелюбимая жена, раньше всех вспомнила. Был в детстве у Алып-Манаша верный друг Ак-Кобон. В юности Алып-Манаш вместе с Ак-Кобоном на медведя ходил. Кумужек-Ару послала своего брата Кан-Чурекея к Ак-Кобону-богатырю. Не выслушав до конца Кан-Чурекея, Ак-Кобон прискакал к аилу Байбарака. Он погладил гуся и прочел письмо. Ермен-Чечен-мать дала Ак-Кобону лучшую пищу. Когда для Алып-Манаша лепешки стала месить, палец свой до крови укусила:

— Моя кровь пусть поможет тебе, сынок.

Ак-Кобон день и ночь мчался. В берестяной лодке переправился через быструю реку. На краю черной ямы Ак-Кобон коня осадил.

— Ты! — крикнул он вниз. — Ты! Отцу с матерью поклонился. Младшую сестру вспомнил. Постылую жену не забыл. Для меня одного не нашел ты привета. От меня теперь помощи ждешь?

Ак-Кобон схватил большую гору и придавил Алып-Манаша. Сам сел на лесистую вершину и съел ту лепешку.

что Ермен-Чечен сготовила сыну. От этой еды Ак-Кобон в десять раз сильнее прежнего стал. Он сюда ехал героем — обратно настоящим богатырем поскакал. У берега его ждал в берестяной лодке белый старик. Ак-Кобон прыгнул в лодку и горько заплакал:

— Алып-Манаш, друг мой, почему я тебя в живых не застал? Бело-серый твой конь упал на гриву, мертвый лежит. Ты сам, Алып-Манаш-богатырь, опустив лицо на рукав, спишь вечным сном!

Седой, как лебедь, старик слез не сдержал. Сухой рукой он достал из сумки девятигранную стрелу. Позеленела стрела, проржавела.

— Да, видно, плохо тебе, Алып-Манаш, — прошептал старик.

Обливаясь слезами, взял Ак-Кобон из дряхлых рук в свои белые руки медную стрелу и, вскрикнув, уронил ее в черную воду.

Вот вышел Ак-Кобон на берег, легко прыгнул в седло и повернул повод к стойбищу Байбарака. Глаза Ак-Кобона опухли от слез. Сам он из седла то на один, то на другой бок валится. Еле-еле стоят ноги в стремях.

— На один день опоздал я милого друга Алып-Манаша спасти. Ой, больно! Ой, горько!

Байбарак-отец и Ермен-Чечен-мать свои слезы со слезами Ак-Кобона смешали. Ерке-Коо-сестра бросила горсть пепла в огонь. Тихо плакала ни жена, ни вдова Кумужек-Ару...

С высокого неба упала звезда и, стукнувшись оземь, встала конем. Громко заржал бело-серый конь, топнул копытом. Тяжелая гора пополам расколосась. Рыхлая земля от его ржания развеялась. Алып-Манаш со дна ямы увидел дно неба. Конь опустил в яму свой длинный, как Млечный путь, хвост. Но Алып-Манаш-богатырь подняться не смог. Он рукой хвост коню оборвал.

Бело-серый конь замычал, как бык, как медведь, заревел; по камням сквозь леса, как олень, побежал. Он с разбегу ударил высокий тополь. Застонав, пало железное дерево. Бело-серый конь приволок тополь к яме и столкнул вниз.

От радости подпрыгнул Алып-Манаш. Девяносто цепей со звоном разорвались.

Алып-Манаш вылез по тополю из ямы. Он коня за шею обнял и горько-горько заплакал:

— Я тебе кожу рассек, рот разорвал, а ты спас меня, верный конь!

От слез в десять раз лучше прежнего стал Алып-Манаш. Омытая слезами шерсть коня, как серебряная, тихо засияла. Верные слуги побежали к Ак-Каану.

Ак-Каан тут же созвал все свои войска. Сам на бело-чалом коне впереди всех летит. Рядом с отцом — Ерке-Карачкы на огненно-рыжем коне.

Свистят пики, гудят мечи, звенят стрелы — Алып-Манаш ничего не слышал. Он видит одну Ерке-Карачкы. Она в ответ на Алып-Манаша глядит.

Богатырь из кожаных ножен достал саблю, железный тополь он пополам рассек. В расщелину сунул он Ак-Каана верхом на бело-чалом коне. Потом два сука руками сжал и дерево повернул. Железный тополь, как железный винт, стоит.

Тугую плеть Алып-Манаш поднял, к Ерке-Карачкы близко-близко подъехал. Восьмигранной плетью ударил ее между глаз. Теперь к смелым воинам лицо свое он обратил и тихо сказал:

— Не бойтесь меня: Алып-Манаш не воюет, он только мстит.

И, тронув повод коня, поскакал богатырь в свой родной край, в ту землю, по которой сердце болит, по которой кровь стучит.

Вот подъезжает к берегу бурной реки. Бело-серый конь обернулся паршивым жеребенком. Сам богатырь Алып-Манаш стал вшивым карликом Тас-Таракаем. Кадык впереди подбородка, косёнки свесились на глаза. И все же седой старик-перевозчик под этими косами разглядел глаза, узнал их огонь.

— Садись, Тас-Таракай, в мою лодку. Я тебя на ту сторону переправлю. Богатырь Алып-Манаш не сын ли тебе? Усмехнулся вшивый Тас-Таракай.

— Я множество богатырей знаю, однако про Алып-Ма-

наша не слыхивал. Я много песен пою, о подвигах Алып-Манаша спеть нечего.

Белый старик брови высоко поднял, потом их вместе свел и сказал густым голосом:

— Теперь не поют, потом будут петь.

Он вынул из сумки девятигранную сияющую стрелу.

— Эту стрелу мне Алып-Манаш подарил. Эту стрелу его друг Ак-Кобон в реке потопил. Три года искал я стрелу. Как новую, из воды вчера выудил.

Тас-Таракай прыгнул с лодки на каменную россыпь и встал Алып-Манашем. Рядом с ним стоит бело-серый счастливец-конь. Старик-перевозчик упал на дно берестяной лодки вниз лицом.

— Огонь моих глаз, свет моей груди Алып-Манаш! Твой друг Ак-Кобон сегодня празднует свадьбу. Он Чистую Жемчужину в жены берет.

Услыхав это, Алып-Манаш брови вниз опустил, его глаза кровью налились. Он снова стал карликом Тас-Таракаем. Верхом на паршивом жеребенке потрусил он к стойбищу Байбарака. Навстречу Тас-Таракаю едет молодой шурин Кан-Чурекей:

— Куда спешишь, Тас?

— К богатырю Ак-Кобону на великий той.

— Эй! — крикнул шурин, хлестнув коня. — После смерти Алып-Манаша для меня ничего великого нет. О чем ты плачешь, Тас-Таракай?

— Себя оплакиваю. Был бы я, как все люди, мог бы сейчас смотреть на сестру твою Кумужек-Ару.

— Не отставай, Тас: если вместе приедем, будем рядом сидеть.

Широкой легкой переступью побежал конь Кан-Чурекея. А вшивый Тас прутиком худого жеребенка стегает, короткими ножками его по ребрам бьет. Кан-Чурекей далеко вперед улетел. Его девятилетний конь свободной рысью бежит.

Вдруг видит Кан-Чурекей, что худой Тас-Таракай спокойным шагом далеко вперед уехал. Так, играя, один обгонял другого. Смеясь, подъехали оба к стойбищу старика Байбарака. Мясо там горой навалено. Арака озером сто-

ит. Народу — как деревьев в лесу, как в долине трав. В белом шестигранном аиле сидит белая Кумужек-Ару. Ее волосы, как жемчуг, поседали. Ее светлые волосы шесть женщин плетут в парные косы. Тас-Таракай медленно дверь открыл, протяжно-жалобно запел:

Жемчужные косы
В два ряда плетешь, Кумужек-Ару!
Молодого друга
Неужто нашла, Кумужек-Ару?

Со слезами отвечает Тас-Таракаю Кумужек-Ару:

Жемчужные косы
Не я плету,
Старого друга
Не я бросила.

— Пошел вон, тухлый, паршивый Тас! — заревел Ак-Кобон и вышвырнул Таса за дверь.

Но Тас снова дверь открыл, новую песню запел:

Из нарядного казана
Ак-Кобон будет пить,
На мягкой постели
Ак-Кобону спать.
Из любимого казана
Алып-Манашу не пить,
На мягкой постели
Алып-Манашу места нет.

Кумужек-Ару отвечает:

Из нарядного казана
Пусть кто хочет пьет,
Мягкая постель
Для Алып-Манаша.

Оттолкнув женщин, она встала во весь рост. Ее волосы вниз потекли, как жемчужные струи воды, как серебряный туман. Ак-Кобон погнался за Тас-Таракаем. Далеко в долину, высоко в гору убежал Тас. Пущенная стрела с тетивы не слетела, а Тас-Таракай уже здесь и опять поет:

Если бело-серый конь жив,
Что будет?
Если Алып-Манаш придет,
Что случится?

Кумужек-Ару отвечает:

Бело-серому коню
Золотую шерсть приглажу,
Алып-Манаша милого
Обниму и поцелую.

И вот рядом с Чистой Жемчужиной светлый богатырь
Алып-Манаш встал.

Ак-Кобон обернулся журавлем и вылетел в дымоходное
отверстие. Алып-Манаш пустил за ним вслед быструю
стрелу. Стрела скользнула по темени журавля. С тех пор и
поныне журавль живет с этой отметиной. Алтайцы жу-
равлиного мяса не едят.

— Эта птица, — говорят они, — хоть и поганой, но все
же человеческой крови.

Диль-кель

Это было очень давно, когда все птицы жили в теплых землях. На Алтае щебетали только реки. Эту песню воды слышали южные птицы и захотели узнать, кто так громко звенит, так весело поет, какая радость случилась в Алтае.

Однако лететь в неизвестный край было очень страшно. Напрасно уговаривал беркут своих соколов и ястребов, сов и кукушек. Из всех птиц только синичка осмелилась пуститься на север.

— Слушай! — крикнул ей беркут. — Если там хорошо, сейчас же вернись и покажи всем птицам дорогу!

Синица, выпрямив крылья, улетела.

Вот увидела она холмистые горы. Алтай стоял розовый, как вечер. Синица спустилась с неба в цветущий куст маральника. Из туч падали хлопья снега, но маральник цвел и цвел так обильно, что из-за розовых лепестков не видно было ни листьев, ни веток.

Синица глянула вниз. Весь снег на Алтае был в цвету. Светложелтые и синие цветы стояли мохнатые, как медвежата. Синице захотелось есть, и она тут же, в снегу, нашла прошлогоднее зернышко, а рядом валялась высохшая ягода, а еще дальше копошился червяк.

Ум заиграл у синицы на Алтае, голова легкая стала. Она забыла, зачем сюда летела, кто ее послал. Где родилась, и то не помнит. Вдруг почернело небо. Синица увидела птичье войско. Впереди всех летел грозный беркут.

— Диль-кель! Диль-кель! — крикнула синица. — Весна, приди! Весна, приди!

А беркут уже кружит над ней.

— Почему обратно не вернулась? Зачем нас в этот край не позвала?

— Кланяюсь вам до земли, великий беркут! В этом краю лед в семь рядов лежит. Снег из семидесяти туч падает. Я тут сижу, изо всех сил весну вызываю: «Диль-кель! Диль-кель! Весна, приди! Весна, приди!» Это по моей просьбе теплый ветер подул. Диль-кель! Диль-кель! Я только что за вами лететь собиралась. Весна, приди! Весна, приди!

Беркут опустился на ветку, поднял вверх крыло и через крыло посмотрел на Алтай: занесенные снегом, стояли горы; снег лежал в долинах.

— Диль-кель! Диль-кель! — кричала синица.

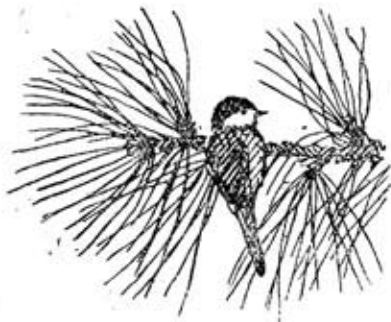
И там, где слышалась эта песня, снег в самом деле съезживался и стекал ручьями.

— На этот раз я прощаю тебя, — сказал беркут синице. — В будущем году видно будет, правду ли ты говоришь.

С тех пор, чтобы обман не раскрылся, синица раньше всех начинает весеннюю песню:

«Диль-кель! Диль-кель! Весна, приди! Весна, приди!»

А за ней запевают и другие птицы.

Горностай и заяц

Раз зимней ночью притаился горностай под кустарником, сидит, мышей караулит. И вдруг словно гора ему на спину свалилась. Ногами горностаю не за что ухватиться, от страха земля из-под ног ушла. Невзвидев света, он обернулся и вцепился зубами в гору.

— А-а-а!.. — раздался страшный крик, плач, стон, и тяжесть свалилась со спины.

И горностай разглядел раненого зайца. Задняя нога до кости прокушена, на белый снег красная кровь течет. Плачет заяц, рыдает:

— Никогда я тебя не прощу, горностай! Я нечаянно тебе на спину упал.

— Ой, заяц, я нечаянно вас укусил! — отвечает горностай.

— А-а-а, а-а-а... Все равно не прощу! — И заяц на трех ногах в лес уполз.

Еще месяца не прошло, а горностай уже получил из леса письменный приказ: «В мой аил на суд сейчас же явитесь. Зайсан здешнего леса Темнобурый Медведь».

Круглое сердце у горностаю стукнуло. Маленькие косточки со страха гнутся. Робко-робко входит он в большой

аил. А там, рядом с хозяином, сидит весь, до самых глаз, забинтованный заяц. Медведь поднял пушистые ресницы и красно-желтыми глазами на горностаю смотрит.

— Ты как смеешь кусаться?

Горностаю — точно немой, только губами шевелит. Сердце в груди совсем не помещается.

— Я... я... охотился, — еле слышно прошептал он.

— На кого охотился?

— Мне хотелось мышь поймать, за птицами погоняться.

— Это правда: мыши и птицы — твоя пища, — сказал медведь, — а зайца зачем укусил?

— Он на меня сзади свалился. Я его в лицо не узнал. У зайца голова зимой, как снег, белая.

— Это правда, — сказал медведь, почесал лапой нос и повернулся к зайцу. — А ты зачем горностаю на спину прыгнул?

— Я его со спины не узнал, — всхлипнул заяц. — У него зимой спина белее снега.

— И это тоже правда.

Долго молчал угрюмый медведь. Перед ним жарко трещал большой костер. Над костром висел золотой котел с семью бронзовыми ушками. Этот свой любимый котел медведь никогда не чистил. Он боялся, что вместе с грязью счастье уйдет. И золотой котел был сажей в сто слов покрыт. Долго думал мудрый медведь, потом потер свою лапу о закопченный котел и вычернил зайцу уши:

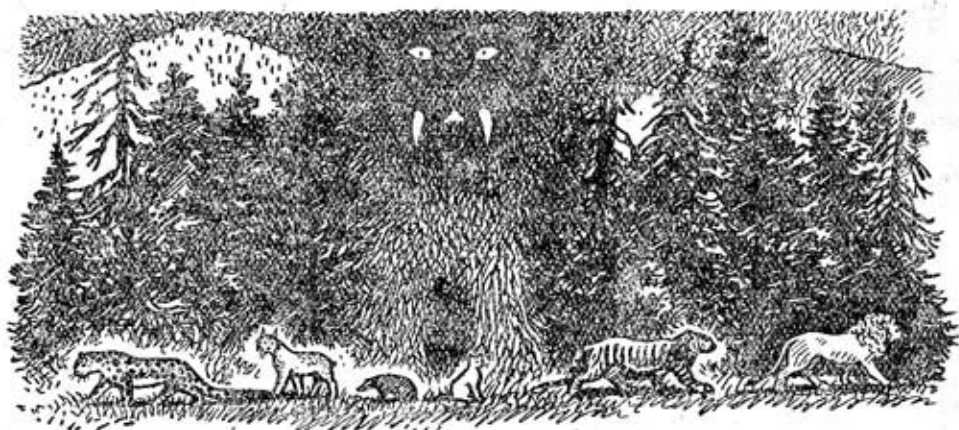
— Теперь ты, горностаю, всегда зайца в лицо узнаешь.

Еще раз потер лапу и вымазал сажей горностаю хвост:

— И ты, заяц, спину этого малыша по черному хвосту всегда отличишь.

Вот с тех самых пор зайцы с горностаями никогда не сталкиваются.

Дети зверя Мааны

В давние времена жила на Алтае чудо-зверь Мааны. Она была, как кедр, большая и уже начала понемногу стареть. Куда ни глядела Мааны, нигде похожего на себя зверя не нашла.

«Я умру, — подумала она, — и никто на Алтае меня не вспомнит. Забудут все, что жила на земле большая Мааны. Надо было мне смолоду родить себе детей. Буду теперь рождать их, пока не поздно».

И родила Мааны котенка. Удивилась мать:

— Неужели этот малыш моей породы?

Вторым родился барсук. Этот сын вовсе не понравился матери.

Третьей родилась росомаха. Она была похожа и на кошку и на барсука, но только не на Мааны.

Четвертый сын — рысь — вырос крупней своих братьев, сильней, осторожней. Даже на родную мать рысь поднимал чуткие уши, а на концах ушей у него были кисточки. Мааны родила пятого сына и назвала его Ирбис — барс. Этот был очень силен и быстр. Глаза его, как у матери, всегда светились. мех, как у матери, был бархатный. И двигался Ирбис мягко, как мать. Он вырос гораздо круп-

нее своих братьев, но далеко не такой большой, как Мааны.

Шестым родился тигр — весь желтый, как солнце, и по спине его струились черные полосы. Он плавал не хуже Мааны, лазил по деревьям лучше кота, бегал быстрее барса и рыси. Мать долго смотрела на этого сына.

«Может быть, следующий будет в меня?» подумала Мааны и родила льва.

Однако и этот, седьмой сын был не в мать. Мааны сама не знала, в кого он такой светлоглазый. Чем старше становился лев, тем все смешней и пышней росла у него на шее удивительная грива.

«Эх, — подумала Мааны, — все равно, хоть они на меня не похожи, а все-таки это мои родные дети! После моей смерти есть кому обо мне поплакать. При жизни есть кому меня пожалеть».

И Мааны, ласково погладив кота, сказала:

— Сынок, я хочу есть.

Кот сжался в комок, потом разом вытянулся, как тугая плеть, и убежал. Три дня его не было. На четвертый он притащил в зубах серую птичку. Посмотрела на эту добычу Мааны-мать и тихо засмеялась:

— Этого мне на полглотка нехватит. Сам съешь.

Отощавший кот сразу схватил едва трепетавшую птицу, но потом отшвырнул ее лапой и опять побежал за нею. Снова отшвырнул и снова побежал. Так он возился еще три дня и съел птицу, когда у нее не осталось ни одного перышка.

— Слушай, сынок, — сказала Мааны, — я вижу, что с твоим характером невозможно прожить в диком лесу. Ты здесь с голоду умрешь. Ступай-ка лучше к людям. За твои проделки они прокормят тебя.

И кот, задрвав хвост, навсегда убежал из лесу.

Тогда старая Мааны послала за едой сына-барсука.

Этот далеко не бегал. Тут же под камнем поймал змею и подает матери.

Разгневалась Мааны:

— Ты не моей крови! От меня уйди! За то, что принес матери змею, всегда сам питайся червями и змеями!

Похрюкивая и роя землю носом, барсук легкой рысцой навсегда убежал в глубь черного леса.

— Я хочу есть, — сказала Мааны росомахе.

Семь дней бродила кривоногая росомаха по лесу. На восьмой принесла матери объедки волчьего ужина.

— Ну, от тебя, росомаха, угощенья ждать — с голоду умрешь, — сказала Мааны. — А твой подарок кто съест, того пять дней тошнить будет. Уходи от меня, и пусть potomки твои по семь дней себе выслеживают пищу, как я семь дней от тебя еды ждала. Пусть, не зная отдыха, рыщут они по горам, пусть неделями висят на деревьях, пусть жрут они с голоду все, что придется, и никогда не наедаются досыта.

Росомаха тут же обвила кривыми лапами ствол кедра, и больше Мааны не видала ее.

Четвертым пошел на охоту рысь. Этот недолго ходил и принес матери свежую косулю.

— Ты хороший сын, — порадовалась Мааны. — За это я научу тебя неслышно подкрадываться. За это научу мягко ступать и прятать когти. Когда ты пойдешь за добычей, под твоей лапой ни один сук не хрустнет. Ты сможешь в самой непроходимой чаще леса спокойно жить.

Спрятав когти, как учила его мать, и мягко ступая, совсем неслышно, убежал от старой Мааны молодой рысь.

Пятый, Ирбис-барс, одним прыжком вскочил на каменную скалу, одним ударом передней ладони повалил-убил горного теке-козла. Теке-бун, могучий козел, бездыханный лежит.

Подхватив его на спину, барс на обратном пути удушил быстрого зайца. С двумя подарками он мягко прыгнул вниз к своей матери.

— Ну, ты, Ирбис-сынок, всегда живи на высоких скалах, на недоступных камнях. Живи там, где ходят горные теке и дикие дзерены. Пусть они станут твоей сладостной пищей.

И барс, крикнув на весь лес, ушел навсегда в дикие горы.

Шестой сын, тигр, быстро и незаметно убежал на охо-

ту. Когда он ушел, Мааны не знала. Подарок принес ей, какого она не просила: это был убитый тигром охотник.

Испугалась большая Мааны:

— Ой, сынок, как твердо твое сердце! Как нерасчетлив твой ум! Этим убийством ты на вечные времена себе врагов нажил. Уходи в топкие болота, в частый камыш. Живи там, где ни людей, ни скота нет, где бродят кабаны и вепри. Если в этих гиблых местах ты первый увидишь человека, это твое счастье. Не мигая смотри на него. Если человек первый тебя заметит, это его счастье.

С неумолимо грозным плачем ушел навсегда в тростники сын-тигр.

— Теперь твоя очередь, — сказала Мааны седьмому.

Но лев даже глаз не открыл. Он весь день спал, опустив мохнатую голову на твердые лапы. Поздней ночью лев встрепенулся и с ужасающим ревом побежал в долину. Оттуда он приволок своей матери убитого всадника и мертвую лошадь. От этой добычи Мааны-мать чуть ум не потеряла.

— Ох-ох! — плакала она, царапая свою голову. — Ох, жаль мне себя: зачем родила я этого сына? Ты еще свирепей тигра. Ты жадный и сильный! На моем Алтае никогда не смей жить! Уйди в ту землю, где не бывает зимы, где вечное лето цветет. Может быть, вечно теплое солнце растопит твое кровожадное сердце, смягчит твой неукротимый дух.

Так уснула от себя всех своих семерых детей жившая когда-то на большом Алтае чудо-зверь Мааны. Говорят, до глубокой старости она жила одиноко. Говорят, умирая, никого из детей своих не захотела позвать.

Старая сказка

Жили два брата. Старшего звали Телезек, второго — Кобегеш. Они пошли в лес на охоту. Была зима. Кобегеш поскользнулся и сломал ногу. Телезек хотел отнести брата на своей спине домой, но поднялась, закружилась метель, и Телезек чуть не упал.

Тогда он нашел защищенное от ветра место, поставил там для брата аил. Закопал в снег добытое на охоте мясо, зажег костер, наташил из лесу побольше дров.

— Когда снег растает, я приду за тобой, — сказал Телезек и ушел в стойбище.

Кобегеш остался жить в зимнем лесу.

Один раз вечером он сидел у двери и смотрел на вечернюю зарю. И вдруг увидел: из лесу выходит женщина белее зимы, румяней зари, с волосами, длинными, как ночь.

Женщина вошла в аил, нарезала мясо, подбросила дров в костер, растерла Кобегешу больную ногу, и сломанная нога тут же срослась. С того вечера женщина уж не уходила. Они стали жить вдвоем, как муж и жена. Кобегеш охотился, а она готовила обед и шила ему из шкур теплую одежду.

Прошел год, а Телезека все нет. Женщина родила Кобегешу веселого сына. Обрадовался отец, захотел вернуться в стойбище.

— Пойду дорогу отыщу, — сказал он жене и ушел.

Только вышел он за дверь, как завывала метель, застоял ветер.

«Пока не заблудился, вернись-ка я обратно в лесной аил», подумал Кобегеш.

Тихонько, чтобы не разбудить сына, открыл дверь и видит: белая коза скачет через костер. Заметила коза Кобегеша и убежала в лес. Теперь только понял Кобегеш, что жена его — не женщина, а настоящая алмыска¹.

— Кобегеш! Кобегеш! — послышался далекий крик.

Кобегеш узнал голос брата и очень испугался. Он завернул своего мальчика в козью шкуру, спрятал в ларь и открыл дверь.

На пороге стоял осыпанный снегом Телезек. Кисы на его ногах в клочья порвались. Шапка на голове истрепалась.

— Целый год искал тебя в этом лесу. Как ты жил здесь один, милый брат?

Кобегеш сначала стыдился говорить, но понемногу рассказал брату всю правду и показал ему своего сына. Мальчик очень понравился дяде. Телезек дал ему имя Алмадак, и стали все трое в одном аиле жить.

Большим охотником вырос Алмадак, только вот верхом ездить не мог: как сядет на лошадь, к утру скотине смерть.

— Надо узнать, кто катается ночью на конях Алмадака, — решили братья.

Они сварили густой клей и с вечера обмазали коня. Утром приходят, а к лошади приклеились белые, как зайцы, алмысы.

— Сейчас мы вас уьем! — крикнули братья.

— Шурин Телезек, не трогайте нас! — заплакали алмысы. — Зять Кобегеш, мы уйдем от вас! Сын Алмадак, будем тебе, как рабы, служить!

¹ Алмыска — ведьма.

Прошло много лет. Давно умерли братья. Алмадак вырос, состарился и тоже умер. И только ночью у костра рассказывали старики своим внукам про сына алмыски.

Вот как-то раз пять маленьких мальчиков пошли в лес. Они кувыркались в траве, срезали высохшие стебли болдыргана и свистели в них, как в свирель. Они раскачивали цветы и пили росу с лепестков. Вдруг из-за серой пихты вышли маленькие люди.

— Можно поиграть с вами, детки?

Мальчики сорвали головки цветов и бросили их в маленьких людей. Люди подняли шишки и кинули в мальчиков.

Так, играя, все вместе вошли в каменную пещеру.

— Как тебя зовут? — спросил один человек самого младшего мальчика.

— Чопош, — ответил тот.

— А-а-а, Чопош! — обрадовались алмысы и потащили мальчика в глубь пещеры.

— А тебя как зовут? — спросили они другого.

— Итлаш.

— Иди-ка и ты сюда, Итлаш.

И алмысы утащили второго мальчика.

— Как тебя зовут? — спросили они третьего и уже протянули к нему свои когтистые руки.

Но третий мальчик вспомнил старую сказку и крикнул:

— Имя мое Телезек!

Алмысы все, как один, упали вниз лицом.

— Что хочешь, сделаем для тебя, шурин Телезек!

— Хочу, чтоб вы отпустили двух мальчиков.

Алмысы сейчас же отдали детей.

— А тебя как зовут? — спросили они четвертого.

— Кобегеш.

— Ооо... — простонали алмысы. — Что сделать тебе, милый зять Кобегеш?

— Дайте нам пять бычьих пузырей масла, пять мешков толкана, пять связок курута.

— Кушайте на здоровье! — И алмысы с низким поклоном протянули мальчикам масло, толкан и курут.

Потом они окружили пятого:

— А ты кто такой?

— Меня зовут Алмадак.

Алмысы совсем серые стали.

— Что прикажешь, родной Алмадак?

Мальчики вышли из пещеры, и пятый звонко сказал:

— Возьмите вон тот большой камень и навсегда закройте вход в пещеру. Поднимите этот зеленый холм и завалите выход.

Алмысы, плача, подняли большущий камень, подвинули холм и закрыли вход и выход. Так они сами себя заперли навек. И поэтому на земле нет больше алмысов.

А мальчики с громкой песней вернулись в стойбище и угостили родных толканом, маслом и курутом. Они остались живы только потому, что во-время вспомнили старую сказку.

И ты помни эти сказки, никогда их не забывай!

Прадедами нашими сказки сложены. Мы ни одного слова не выбросили, ни одной песни не спутали. Если к подвигам богатырей что-нибудь прибавлено, это деды наши прибавили. Если из сказки слова выпали, в том отцы наши виноваты. По просьбе детей настойчивых, сказки, в народе слышанные, мы рассказали вам.

СОДЕРЖАНИЕ

Сартак-пай	3
Страшный гость	8
Сто умов	11
Брат и сестра	13
Шелковая Кисточка — Торко-Чачак	17
Счастливый Рысту	22
Корова и звезды	27
Золотая чойчойка	29
Нарядный бурундук	32
Лиса-сваха	35
Эскиюзек и Алтын-Чач	40
Мышь и верблюды	48
Скупая лягушка	50
Хан Сары-Каан	52
Про сороку	54
Дядя медведь	56
Летучая мышь	64
Жадный глухарь	66
Кабарга-лакомка	68
Мактанчик-таш	70
Алып-Манаш	73
Диль-кель	84
Горностай и заяц	86
Дети зверя Мааны	88
Старая сказка	92

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор Н. Медведкова, Худож. редактор П. Суворов, Технич. редактор М. Кутузова и В. Тышкевич. Копректоров: О. Калдан и С. Боровская. Сдано в производство 2.IX 1976 г. Подписано к печати 17.XI 1976 г. Детиздат № 2339. Индекс Д-б. Формат 72 × 93 мм, 6 печ. л. + 4 вклейки. (5,45 уч.-авт. л.). 3/4 бум. л. 668 0 зн. в бум. л. Тираж 10000 экз. Уполномоченный Главлита А-20743. Заказ № 1619.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Суэцкий вал, 49.

Цена 4 р. 50 к.